

Один день в декабре

Автор:

[Джози Силвер](#)

Один день в декабре

Джози Силвер

Лори уверена: любовь с первого взгляда существует только в фильмах. Но в один снежный декабрьский день через затуманенное окно автобуса она встречается взглядом с молодым человеком, и между ними пробегают искра. Лори понимает, что безнадежно влюбилась. В течение года она ищет этого молодого человека везде: на улицах Лондона, в метро, кафе, на автобусной остановке, – а находит на рождественской вечеринке, где ее лучшая подруга Сара знакомит Лори со своим новым бойфрендом. Им оказывается Джек, тот самый парень с автобусной остановки...

«Один день в декабре» – это радостная, трогательная и невероятно волнующая история любви, показывающая, что судьба закручивает невероятные виражи на пути к счастью.

Впервые на русском языке!

Джози Силвер

Один день в декабре

Josie Silver

One Day In December

Copyright © Josie Silver, 2018

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Джеймсу, Эду и Алексу с любовью

2008 год

21 декабря

Лори

Поражаюсь, как это люди, которые пользуются общественным транспортом зимой, до сих пор не подошли от яростных атак микробов. В течение последних десяти минут на меня чихают и кашляют со всех сторон. Старикан, который сидит напротив, похоже, сморкается в свою футболку.

Я так устала, что готова уснуть прямо здесь, на втором этаже этого тряского, набитого до отказа автобуса. Слава богу, с работой покончено до Рождества! Ни мой бедный мозг, ни мое несчастное тело не вынесут еще одной смены за стойкой регистрации отеля. Я буквально засыпаю на ходу, хотя со стороны может показаться, что я полна сил. Планирую впасть в зимнюю спячку до начала следующего года, тем более что завтра я собираюсь вернуться в

ностальгический уют родительского дома. В перспективе каникул в тихом небольшом городке есть что-то успокоительное, хотя не все мои детские воспоминания можно назвать счастливыми. Даже в самых дружных семьях случаются трагедии, была такая и в нашей. Надо признать, рана, которую эта трагедия оставила в моей душе, не затянулась до сих пор. Но я не собираюсь заикливаться на этом, ведь Рождество принято считать временем любви и надежды. А также временем, когда можно отоспаться, что в данный момент для меня особенно привлекательно. Спать, спать и спать, просыпаясь лишь для того, чтобы наперегонки с моим братом Дэрилом и его девушкой Анной набить желудок всякими вкусностями и посмотреть какой-нибудь слащавый рождественский фильм. Ведь если что и способно побороть усталость, так это желание полюбоваться неким придурком, который, невзирая на жуткий холод, торчит под окнами жены своего лучшего друга с плакатом, сообщающим, что он будет любить ее вечно.

Прижимаюсь лбом к запотевшему стеклу и смотрю на Камден-Хай-стрит, залитую рождественскими огнями, на витрины магазинов, где выставлено все на свете – от кожаных курток до кошмарных сувениров. Сейчас только четыре часа дня, но над Лондоном уже висят сумерки. По-моему, сегодня вообще не было ни одного светлого часа.

Собственное отражение в окне подсказывает мне, что было бы неплохо вытащить из волос разноцветные блестки, которыми меня заставила посыпать голову эта глупая корова, моя начальница. Вид у меня такой, словно я изображаю архангела Гавриила на рождественском представлении в начальной школе. Но мне лень даже пошевелить рукой. Тем более, людям вокруг абсолютно наплевать, как я выгляжу. На меня никто не обращает внимания: ни уткнувшийся в газету унылый толстяк, занявший своей задницей почти все рассчитанное на двоих сиденье, ни школьники, галдящие на задней площадке, ни сопливый старикан, который сидит напротив.

Шевелись, мысленно обращаюсь я к автобусу. Двигайся быстрее. Вези меня домой. Хотя сейчас, когда Сара, моя подруга, с которой мы снимаем квартиру, уехала к родителям, дома у меня довольно тоскливо. Я уже по ней скучаю. Ничего, завтра я тоже уеду, напоминаю я себе.

Автобус вздрагивает и останавливается. Я наблюдаю, как пассажиры проталкиваются к выходу, а другие теснятся у входа. Похоже, они решили проверить, сколько людей может втиснуться в один автобус.

Какой-то парень сидит на откидном сиденье под козырьком автобусной остановки. В руках у него книга в твердой обложке. Как видно, это не его автобус. Я обращаю на него внимание, потому что он выглядит совершенно безучастным к царящей вокруг суете, словно зритель в кинотеатре с 3D-эффектом, невозмутимо восседающий в своем кресле посреди калейдоскопа событий.

Лица его мне не разглядеть, вижу лишь светловолосую макушку. Наверное, когда волосы у него отрастают, они начинают виться, проносятся у меня в голове. На нем синее шерстяное пальто, напоминающее бушлат, шея замотана длинным шарфом, из тех, что вяжут своим внукам любящие бабушки. Этот идиотский шарф совершенно не вяжется с его стильным прикидом: узкими черными джинсами и высокими ботинками на толстой подошве. Все внимание парня поглощено книгой, которую он держит в руках. Я протираю стекло рукавом, скашиваю глаза и выгибаю шею, пытаюсь прочесть название на обложке.

Не знаю, поймал ли парень боковым зрением движение моей руки или блеск мишуры на моих волосах, но он поднимает голову и мигает. А потом взгляд его останавливается на моем окне. На мне.

Мы смотрим друг на друга, и я не могу отвести глаз. Чувствую, губы мои двигаются, словно я пытаюсь что-то сказать. Одному Богу известно, с какой радости у меня вдруг возникает неодолимое желание выскочить из автобуса. Да, выскочить из автобуса и оказаться рядом с этим парнем. Но я этого не делаю. Я не двигаюсь с места, потому что понимаю: у меня нет ни малейшего шанса пробиться к выходу прежде, чем автобус отойдет от остановки. Все, что остается, – гипнотизировать парня взглядом, внушая ему желание вскочить в мой автобус.

Нельзя сказать, что он какой-то обалденный красавец или похож на кинозвезду. Но его мальчишеская взъерошенность и серьезный, пытливый взгляд, словно спрашивающий, кто я, пленяют мое сердце. Не успеваю рассмотреть, какого цвета у него глаза. Наверное, зеленые, но, может быть, голубые?

Тут происходит нечто. Конечно, вы можете сказать, что я выдаю желаемое за действительное. Но уверена, парень тоже вдруг ощущает действие электрического разряда, словно некая невидимая молния, сверкнув в воздухе,

соединила нас своими концами. Узнавание – вот что светится в его округлившись глазах. Он недоверчиво моргает, словно неожиданно увидел старого друга, с которым не встречался много лет, и не может поверить своим глазам.

Взгляд его говорит что-то вроде: «Неужели это ты?!» или: «Как я рад тебя увидеть!».

Его глаза устремляются на толпу, по-прежнему суетящуюся у дверей автобуса, и возвращаются ко мне. Мне кажется, я слышу мысли, проносящиеся в его голове. Он спрашивает себя, не будет ли это безумием – прыгать в автобус, который идет совсем не туда, куда ему нужно. Прикидывает, какие слова можно произнести, когда он поднимется ко мне на второй этаж и нас уже не будет разделять оконное стекло. Опасается, что попадет в дурацкую ситуацию.

Нет-нет, мысленно пытаюсь внушить ему я. Ты не попадешь в дурацкую ситуацию. Я не допущу, чтобы она стала такой. Прошу тебя: садись в этот чертов автобус. Парень смотрит прямо на меня, и уголки его красиво очерченного рта трогает улыбка, которую он не может сдержать. Я улыбаюсь в ответ, что, конечно, очень легкомысленно. Но я тоже не могу сдержаться.

Прошу тебя, садись в этот автобус. В глазах его вспыхивает решимость, он закрывает книгу и засовывает ее в рюкзак. Встает и идет к автобусу. Я, затаив дыхание, прижимаю ладонь к стеклу и мысленно умоляю его поторопиться. До меня доносится противное шипение дверей и урчание двигателя.

О нет! Нет! Милый автобус, пожалуйста, задержись немного! Ведь скоро Рождество, время чудес! Мне хочется крикнуть это вслух, но я молчу. Автобус отъезжает от остановки и набирает скорость, а незнакомец, в которого я только что безнадежно влюбилась, стоит на тротуаре и глядит ему вслед. В его глазах растерянность. Я посылаю ему воздушный поцелуй, прижимаюсь лбом к стеклу и смотрю на него, пока он не исчезает из виду.

Потом меня осеняет. Черт! Почему я не догадалась вырвать из блокнота листок, написать что-нибудь и показать ему? Да, так и надо было сделать! Я могла подышать на стекло и написать на нем номер своего мобильного. Могла приоткрыть окно и прокричать свое имя, адрес или что-нибудь в этом роде. В общем, можно было придумать выход. Но я ничего этого не сделала, потому что

смотрела на него как зачарованная.

Если взглянуть со стороны, это был захватывающий фильм, который длился примерно шестьдесят секунд. Фильм, достойный «Оскара». Теперь, если кто-нибудь спросит меня, влюблялась ли я с первого взгляда, я уверенно отвечу «да». Это произошло в ту невероятную минуту 21 декабря 2008 года.

2009 год

Новогодние обязательства

В этот новый год я приняла всего два обязательства, но это важные, судьбоносные, эпохальные решения.

1. Найти парня с автобусной остановки.
2. Найти достойную работу в каком-нибудь журнале.

Блин! Жаль, что я писала не карандашом. Можно было бы стереть написанное и поменять решения местами. Потому что в идеале все должно выглядеть примерно так: я нахожу крутую работу, во время перерыва на ланч отправляюсь в кафе и встречаю там парня с остановки. Он нечаянно толкает меня, так что я роняю тарелку с легкой и здоровой пищей, которую держу в руках. Он смущенно поднимает на меня глаза и говорит: «О, это ты. Наконец-то я тебя нашел».

И мы отправляемся в ближайший парк, наплевав на ланч. Мы оба потеряли аппетит, зато нашли свою любовь.

Да, именно так все и будет. Пожелайте мне удачи.

20 марта

Лори

– Это, случайно, не он? От него явно исходит какая-то автобусная энергетика!

Следуя за взглядом Сары, я смотрю в дальний конец бара. Как всегда в пятницу вечером, народу здесь тьма-тьмущая. Мы не изменяем своей привычке: в любом месте скользить глазами по лицам, надеясь увидеть Автобусного Парня. Именно так окрестила его Сара, узнав о моей внезапной любви. Каникулы мы обе провели в кругу семьи: она напропалую веселилась в Бате, а я спала и объедалась в Бирмингеме. Так или иначе, в начале нового года мы обе вернулись в зимний Лондон. Я поведала подруге о том, как амур пронзил меня стрелой на автобусной остановке, и тут же пожалела о своем опрометчивом поступке. Дело не в том, что я считаю Сару недостойной доверия. Но она буквально воспламенилась идеей найти Автобусного Парня и предалась поискам с таким рвением, что это сводит меня с ума.

– Ты о ком? – вглядываясь в людское море, спрашиваю я.

Сара потирает нос, прикидывая, как бы поточнее определить интересующий нас объект.

– Вон там, в середине зала, рядом с девицей в синем платье.

Девицу в синем я нахожу легко: ее белокурые волосы, прямые, как струны, сверкают в свете ламп. Она закидывает голову и смеется, слушая, что говорит ей парень, стоящий рядом.

Роста он вроде такого, как мой незнакомец с остановки. Волосы тоже подходят. В линии плеч, обтянутых темной рубашкой, есть что-то пронзительно знакомое. Вероятность того, что это именно тот, кто мне нужен, достаточно велика. Я смотрю на него, и моя уверенность растет. Похоже, поиски завершились успешно.

– Не знаю, – шепчу я одними губами, поскольку опасаюсь, что он меня услышит.

Я так часто описывала его Саре, что теперь она лучше меня знает, как он выглядит. Мне хочется подойти поближе. Я уже начинаю двигаться в его сторону, но Сара хватает меня за локоть и останавливает. Парень наклоняется и целует блондинку, которая моментально превращается в самую омерзительную личность на этой планете.

Господи боже, это точно он! Нет-нет! Наша встреча должна произойти совсем не так. Каждую ночь, закрыв глаза, я представляла себе, как это будет, и никогда, повторяю, никогда рядом с ним не было никаких девиц. Иногда встреча действительно происходила в баре, но его окружали исключительно парни. Чаще я воображала, как он сидит в одиночестве за столиком в кафе и читает книгу. Но участия блондинки со сверкающими волосами ни один из моих сценариев не предусматривал.

– Черт! – бормочет Сара и сует мне в руку стакан с вином.

Мы наблюдаем за их поцелуем, который длится вечно. Господи Иисусе, этим людям, похоже, неведомы правила приличия! Он гладит ее по заднице, что вряд ли уместно в многолюдном баре.

– Какая распущенность! – вздыхает Сара. – Лу, по-моему, это не твой тип мужчины.

Я буквально уничтожена. Залпом выпиваю стакан холодного вина и пожимаю плечами.

– Пожалуй, пойду домой, – говорю я, чувствуя, что вот-вот разревусь.

Конечно, это смешно. Но я ничего не могу с собой поделать. Мерзкая парочка меж тем заканчивает целоваться, она оправляет платье, он что-то шепчет ей на ухо, потом резко поворачивается и идет прямо к нам.

Протискивается совсем рядом, и с души у меня сваливается камень. От облегчения хочется смеяться.

– Это не он, – шепчу я. – Ничего общего.

Сара округляет глаза и выдыхает так громко, что я догадываюсь: несколько секунд она не дышала совсем.

– Слава богу! – произносит она. – Этот – какой-то слизняк. Ты себе не представляешь, как мне хотелось подставить ему подножку, когда он проходил мимо.

Слизняк не слизняк, а парень действительно противный. Он шествует в сортир, преисполненный сознания собственной значимости, и с самодовольной ухмылкой стирает с губ помаду своей подружки.

Боже, мне необходимо еще выпить! Вот уже три месяца я ищу своего прекрасного незнакомца. Если не найду его в ближайшем будущем, того и гляди, сопьюсь.

Вернувшись в свою квартиру на Деланси-стрит, мы с Сарой сбрасываем туфли, шлепаем по полу и валетом растягиваемся на диване.

– Знаешь, у нас на работе появился новый парень, – пристально глядя на меня, сообщает Сара. – По-моему, он должен тебе понравиться.

– Мне нужен только Автобусный, – изрекаю я, ощущая себя героиней сопливой мелодрамы.

– А что, если ты найдешь его и выяснишь, что он полный придурок? – ухмыляется Сара.

Случай в баре явно настроил ее на пессимистический лад.

– По-твоему, лучше прекратить поиски? – вздыхаю я, подняв отяжелевшую голову с диванного подлокотника.

– Нет, я просто хотела сказать, что тебе нужен запасной вариант! – всплескивает руками Сара.

– На тот случай, если он окажется придурком?

– Не обязательно придурком. – Сара пытается поднять голову, но попытка не приносит результата. – Он может оказаться занудой, снобом или какой-нибудь шишкой на ровном месте. Или выяснится, что у него есть девушка. Господи боже, Лу, он ведь может быть женат!

У меня перехватывает дыхание. Самым настоящим образом.

– Нет, не может! – сиплю я. – Он не женат, у него нет никакой девушки, он не зануда, не сноб и не придурок. Он где-то здесь, в этом городе, ждет, когда я его найду. – Эту тираду я произношу с убежденностью пьяной в дым женщины. – А может, он и сам меня ищет.

Сара приподнимается на локтях и смотрит на меня, под глазами у нее чернеют разводы туши, помада размазалась.

– Я просто боюсь, что мы, точнее ты, тешимся несбыточными грезами, – говорит она. – Нам, то есть тебе, надо быть готовыми к любому повороту событий.

Знаю, она права. Там, в баре, я едва не умерла от разрыва сердца.

Мы буравим друг друга взглядами.

– Мы обязательно его найдем! – Сара гладит меня по ноге.

Как большинство пьяных, я чертовски сентиментальна. От этого простого дружеского жеста у меня ком встает в горле.

– Обещаешь? – выдыхаю я.

Сара кивает, и тут я заливаюсь слезами. Я ужасно устала, я пьяна, и мне бывает трудно вспомнить лицо Автобусного Парня. Порой я начинаю бояться, что забуду, как он выглядит.

Сара садится и вытирает мне слезы рукавом своей блузки.

– Не плачь, Лу, – шепчет она. – Никуда он от нас не денется.

Я всхлипываю, растягиваюсь на спине и смотрю на обшарпанный потолок, который хозяин квартиры обещает заштукатурить уже несколько лет, с тех пор как мы сюда въехали.

– Никуда он от нас не денется, – повторяю я. – Он замечательный.

– Надеюсь, он не обманет наших ожиданий. Иначе я вырежу ему на лбу слово «козел». – Сара касается своего лба указательным пальцем.

Я киваю, тронутая ее преданностью.

– Да, причем ржавым скальпелем, – добавляю я, содрогаясь от собственного садизма.

– Бедняга получит сепсис, и у него отвалится голова, – бормочет Сара.

Я закрываю глаза и беззвучно смеюсь. До той поры, пока я не нашла своего Автобусного Парня, львиная доля моей привязанности принадлежит Саре.

24 октября

Лори

– Думаю, мы это приколотили, – любясь делом своих рук, произносит Сара.

Все выходные мы меняли обстановку в нашей крошечной гостиной, поэтому обе теперь с головы до ног покрыты пылью и пятнами краски. Наш труд близится к завершению, и я испытываю острое чувство удовлетворения. Моя дерьмовая работа в отеле не приносит даже намека на подобное чувство.

– Надеюсь, хозяину квартиры понравится, – говорю я.

Мы не заручились разрешением что-нибудь менять в квартире, но для того, чтобы возражать против очевидных улучшений, надо быть полным идиотом.

– Он должен нам за это заплатить, – уперев руки в бедра, заявляет Сара. На ней обрезанные до колен джинсы и майка «Дей-Гло», пронзительно-розовый цвет которой вступает в непримиримый конфликт с ее рыжими волосами. – Благодаря нашим трудам стоимость его квартиры возросла. Кто бы мог подумать, что под убогим ковром скрывается такой шикарный пол?

Я заливаюсь смехом, вспоминая, какую комическую сценку мы разыграли, спуская по лестнице свернутый ковер. Живем мы на самом верхнем этаже, и к тому времени, как злополучный ковер оказался внизу, мы обе взмокли от пота, как шахтеры, и сыпали ругательствами, как моряки. Затолкав ковер в ближайший мусорный бак, мы пожали друг другу руки. Не думаю, что отсутствие этой ветхой тряпки сможет кого-нибудь огорчить.

Выяснилось, что пол в нашей квартире действительно шикарный – старинный дубовый паркет, который нынешний владелец предпочел спрятать под узорчатым кошмаром. Для того чтобы привести пол в порядок, пришлось потрудиться так, что теперь у нас обеих ноют руки, но результат того стоит. Мы с удовольствием озираем нашу обновленную гостиную, где благодаря белым стенам и большим окнам всегда светло. Несмотря на обшарпанные потолки, наш старый дом не лишен обаяния. После того как мы заменили потертый ковер дешевым половиком и замаскировали разрозненную мебель снятыми с кровати покрывалами, комната преобразилась, как по волшебству. Можно сказать, мы совершили маленькое чудо, причем без особых затрат.

– По-моему, получился интерьерчик в стиле бохо, – провозглашает Сара.

– У тебя на волосах краска. – Я касаюсь своей головы, показывая, где именно, и, возможно, пачкая краской собственные волосы.

– У тебя тоже! – смеется Сара и смотрит на часы. – Как насчет рыбы с картошкой?

Обмен веществ у Сары мощный, как у лошади, аппетит соответствующий. В ее обществе я могу объедаться пирожными, не испытывая ни малейшего чувства вины. Это еще одна причина моей привязанности к Саре.

– Да, пожалуй, нам стоит перекусить, – киваю я.

Полчаса спустя мы устраиваемся на диване с пакетами рыбы и жареной картошки, решив отпраздновать этим маленьким пиршеством преобразование нашей гостиной.

– Нам надо бросить работу и создать свое телевизионное шоу, – заявляет Сара. – Что-нибудь вроде «Ремонт за десять евро».

– Да, это будет круто, – киваю я. – Хотите стильный интерьер? Лори и Сара идут к вам.

Сара замирает, не донеся до рта вилку.

– Дизайнерский дом «Сара и Лу» преобразит вашу жизнь! – восклицает она.

– Нет, Лори и Сара звучит лучше! – смеюсь я. – Согласись, это так. К тому же я старше. Так что по справедливости мое имя должно стоять первым.

Это наш старый прикол: я на несколько месяцев старше Сары и никогда не упускаю случая напомнить об этом. Сара хохочет и проливает пиво. Я опускаю свою бутылку на пол.

– Береги половицы! – предупреждает Сара.

– Я использовала подставку.

Сара наклоняется и внимательно разглядывает флайер из супермаркета, послуживший мне подставкой.

– Ох, Лу, по-моему, пользоваться подставками для пивных бутылок – это признак старения, – бормочет она.

– Хочешь сказать, скоро мы официально получим статус старых дев? – хмуро осведомляюсь я. – И тогда нам уж точно придется завести кошку?

– Думаю, да, – кивает она.

– Что ж, не возражаю, – вздыхаю я. – Тем более, любовь всей моей жизни закончилась, не начавшись.

– В этом виновата только ты сама, – изрекает Сара и отправляет в рот последний ломтик жареного картофеля.

Разумеется, мы говорим об Автобусном Парне. К этому времени он уже превратился в миф, и я чувствую, что пора о нем забыть. Десять месяцев – слишком долгий срок, чтобы гоняться за незнакомцем. К тому же нет никакой уверенности в том, что он не маньяк, не прохиндей и не козел. Уверенности в том, что он свободен и готов в меня влюбиться, еще меньше. Сара постоянно твердит: я не должна на нем заикливаться. Она имеет в виду, что мне нужно найти другого парня и не превращаться в монахиню. Разумом понимаю: подруга права, но сердце мое еще не готово к такому повороту. Не могу забыть чувство, которое пронзило меня, когда наши взгляды встретились, никогда прежде я не испытывала ничего подобного.

– За то время, что ты по нему вздыхаешь, можно было прочесать весь земной шар, – говорит Сара. – Его ты, может, и не встретила бы, зато познакомилась бы с кучей других отличных парней. На старости лет рассказывала бы внучатам, как здорово было трахаться с Роберто из Италии и Владом из России.

– Я не собираюсь заводить детей, так что никаких внучат у меня не будет. Гоняться за этим Автобусным Парнем мне тоже надоело. Единственный выход, который остается, – заняться разведением кошек. На пару с тобой, – заявляю я. – Может, организуем центр по спасению бездомных животных? Глядишь, через несколько лет королева удостоит нас медалей за большой вклад в дело кошководства.

Сара хохочет. Судя по всему, она действительно считает: настало время распрощаться с мечтами о незнакомце с автобусной остановки.

– Боюсь, из этой идеи ничего не выйдет! Я только что вспомнила, у меня аллергия на кошек, – сообщает она. – Так что нам придется придумать себе другое занятие.

– Сара, ты разбиваешь все мои планы, – вздыхаю я и отхлебываю пива из бутылки. – Для старых дев нет более достойного поприща, чем кошководство.

– Давай не будем спешить записываться в старые девы, – усмехается Сара. – Тем более, у меня на следующей неделе свидание.

Сердце мое сжимается.

– С кем, если не секрет?

– Мы познакомились в лифте. Я незаметно нажала кнопку «Стоп» и не отпускала ее, пока он не пригласил меня пообедать.

Наверное, мне нужно брать у Сары уроки жизни. Она всегда знает, чего хочет, и вцепляется в добычу обеими руками. Сколько раз я проклинала себя за то, что у меня не хватило решимости выскочить из того проклятого автобуса. Но теперь уже ничего не исправишь. Судя по всему, настало время поумнеть. Хватит гоняться за несбыточной мечтой и напиваться при очередной неудаче. На свете полно других мужиков. Отныне лозунг «Делай как Сара!» станет моим жизненным правилом. Уж конечно, подруга не стала бы тратить целый год жизни на бесцельную хандру.

– Как думаешь, не повесить ли сюда какую-нибудь картину? – указывая на стену над камином, спрашивает Сара.

– Почему нет? Может, купим картину, изображающую семейство котят?

Сара смеется и запускает в меня скомканным бумажным пакетом.

18 декабря

Лори

– Попробуй не принимать скороспелых решений. Может, когда увидишь Дэвида, тебе покажется, что это не твой тип мужчины. Но поверь, он отличный парень. Веселый, с юмором. И к тому же добрый. Представь себе, недавно на совещании он уступил мне свой стул! Много ты знаешь молодых людей, способных на такой подвиг? – Сара произносит эту тираду, стоя на коленях и извлекая с нижней полки нашего кухонного шкафа пыльные стаканы для вина.

Вопрос приводит меня в замешательство. Честно говоря, у меня вообще мало знакомых молодых людей, не говоря уже о тех, кто способен на подвиг.

– Тип, который живет в квартире под нами, вчера отодвинул от входной двери свой велосипед, чтобы дать мне пройти, – наконец вспоминаю я. – Конечно, уступить стул – это намного круче, но, согласись, тоже неплохо...

– Парень снизу? Тот, что вечно залезает в наш почтовый ящик и по выходным оставляет на лестнице объедки кебаба? Нет, он не годится на роль благородного героя!

Я беззвучно смеюсь и загружаю стаканы в раковину. Сегодня мы с Сарой устраиваем вечеринку в честь наступающего Рождества. С тех пор как мы поселились на Деланси-стрит, это стало нашей ежегодной традицией. Хотя мы обе шутим, что теперь, когда мы окончили университет, эта вечеринка должна превратиться в высокоинтеллектуальное собрание, думаю, все будет в точности так, как прежде. Несколько студентов и наших коллег соберутся, чтобы выпить дешевого вина и до хрипоты поспорить о предметах, в которых никто из нас толком не разбирается. Впрочем, нынешний вечер – это еще и повод познакомиться меня с неким Дэвидом, который, по утверждению Сары, идеально мне подходит. Правда, это мы уже проходили. Имея такую подругу, как Сара, нет никакой нужды обращаться в службу знакомств. Как только я решила забыть об Автобусном Парне, она познакомила меня с Марком, или, может, Майком. Он оказался любителем бега трусцой, причем в разгаре зимы выходил на пробежку в шортах и майке и требовал, чтобы я к нему присоединилась. Разумеется, он не признавал других развлечений, кроме тренировок в спортзале, а когда мы с ним обедали, подробно разъяснял, какую опасность для здоровья представляет то или иное блюдо. Вскоре я поняла, что для моего здоровья, по крайней мере душевного, опасность представляет одно-единственное блюдо – Майк. А может, его звали Марк. Разницы нет. Сара утверждала, что он поразительно похож на Брэда Питта. Может быть, – если смотреть на него в темной комнате, скосив глаза. А еще лучше вообще закрыть их. Должна

признаться, именно так я и поступила. Вообще-то, я не имею обыкновения после первого свидания ложиться с парнями в постель, но тут я изменила своей привычке. Ради Сары, конечно.

Второй кандидат, которого она мне предложила, звался Фрейзер. Этот был чуть получше. По крайней мере, я запомнила его имя. Он был не просто шотландцем, а самым настоящим шотландским шотландцем, которого я когда-либо встречала. Акцент у него был жуткий, так что я понимала примерно половину того, что он говорил. Не помню, чтобы разговор у нас заходил о волынках, но мне все время казалось, что он виртуозно владеет этим инструментом. Его клетчатый галстук-бабочка страшно действовал мне на нервы, но все это было сущей ерундой. Главный его недостаток выявился в конце свидания. Проводив меня домой на Деланси-стрит, Фрейзер на прощание присосался к моим губам таким долгим поцелуем, словно пытался сделать мне искусственное дыхание. При этом рот мой до отказа наполнился его слюной. Придя домой, я стремглав бросилась в ванную. Собственное отражение в зеркале привело меня в ужас. Выглядела я так, словно меня облизала огромная собака.

В общем, можете назвать меня идиоткой, но я решила, что ни один из них мне не подходит. Я девушка, склонная к романтике, обожаю фильмы Норы Эфрон и уверена, что прекрасный принц не может быть слюнявым, как датский дог. Хотя, конечно, бывает по-всякому. Как известно, прекрасный принц может предстать даже в обличье мерзкой жабы. Так что излишняя разборчивость порой служит нам, романтическим девушкам, дурную службу.

Интересно, что представляет собой неведомый Дэвид? Возможно, на третий раз мне наконец повезет. Поживем – увидим. Возможно, он станет любовью всей моей жизни. Возможно, я постараюсь забыть его, как дурной сон. В любом случае я умираю от любопытства и собираюсь нынешним вечером распустить волосы по плечам. В последний год мне приходилось делать это нечасто. Мы с Сарой, покинув замкнутый, уютный университетский мирок, вынуждены теперь внедряться в неприветливую реальность. Пока Сара добилась на этом пути значительно больших успехов, чем я. Она уже работает на одном из региональных телевизионных каналов, а я по-прежнему сижу за стойкой в отеле. Да, несмотря на обязательство, принятое год назад, я так и не нашла себе работу по душе. В этом году я даже не хочу ехать домой на рождественские каникулы. Боюсь застрять в Бирмингеме и никогда больше не вернуться в Лондон. Сейчас я особенно завидую Сариной общительности и ее умению производить на людей хорошее впечатление. Сама я подобным умением не

обладаю, поэтому все собеседования, которые я прошла, не принесли результата.

Но сегодня я не позволю застенчивости одержать надо мной верх. Я собираюсь так напиться, что ни от какой застенчивости не останется и следа. В конце концов, наступает Новый год, а это – повод забыть все свои просчеты и ошибки. Можно сколько угодно куролесить под воздействием алкогольных паров, это останется в старом году, и точка. Так что смелее!

Да, кстати, сегодня вечером я познакомлюсь с новым парнем Сары. Они встречаются уже несколько недель, но по разным причинам наше знакомство до сих пор откладывалось. Впрочем, я знаю о нем так много, что могу написать книгу. Знаю, что по части секса он настоящий бог, что Сара рассчитывает выйти за него замуж и нарожать ему детей. Разумеется, не раньше, чем он станет медиазвездой первой величины. А он ею непременно станет в ближайшем обозримом будущем. Мне его немного жаль. Парню всего двадцать четыре года, а его жизнь на ближайшие десять лет уже predetermined. Впрочем, рядом с ним Сара, а это значит, что ему повезло. В общем, он крутой везунчик.

Сара может говорить о нем часами. Сейчас она как раз этим и занимается. Рассказывает о его сексуальных подвигах, живописуя подробности, которые я предпочла бы не знать.

Я машу мыльной рукой, умоляя ее замолчать, и в воздухе возникают радужные пузыри.

– Хорошо-хорошо, хватит об этом! Иначе при виде твоего будущего мужа у меня произойдет оргазм.

– Пожалуйста, при нем воздержись от подобных выражений, – хихикает она. – Я имею в виду, не вздумай называть его моим будущим мужем. Он еще не знает, что ему предстоит подобная честь, и это может его шокировать.

– Ах вот как? – роняю я с бесстрастным лицом. – А я думала, он в курсе твоих планов на его особу.

– Я надеюсь исподволь внушить ему эту блестящую идею и оставить в заблуждении, что она осенила его без всякой посторонней помощи, – признается

Сара, встает с колен и отряхивает джинсы.

Я киваю в знак согласия, поскольку достаточно хорошо знаю Сару, чтобы не сомневаться: она будет вертеть им, как хочет, и в нужный момент заставит сделать предложение. Наверное, вам тоже доводилось встречать людей, обладающих неодолимой силой притяжения. Людей, подобных звездам, которые заставляют все другие планеты вращаться вокруг себя. Сара из их числа. Но если вы думаете, что это делает ее невыносимой, то глубоко ошибаетесь.

Мы познакомились с ней здесь, в этой квартире, в мой первый университетский год. Жить в общежитии мне не понравилось, и я решила перебраться в одну из квартир, которые университет арендовал для своих студентов. Для начала отправилась сюда, на Деланси-стрит. На первом этаже старого дома располагались две просторные квартиры, а наверху – еще одна, примостившаяся на чердаке, точно птичье гнездо. Едва увидев ее, я была очарована, словно на меня надели розовые очки. Помните маленькую квартирку, в которой жила Бриджит Джонс? Мое будущее жилище очень ее напоминало, хотя, конечно, было более обшарпанным и менее шикарным. Делить квартиру – и арендную плату – мне предстояло с совершенно незнакомой девушкой. Это обстоятельство ничуть не повлияло на мою решимость немедленно подписать договор. С одной незнакомкой проще поладить, чем с целым общежитием. Помню, поднимая свои пожитки на три лестничных пролета, я надеялась, что соседка не разобьет в пух и прах мои фантазии в стиле Бриджит Джонс.

На дверях висела записка, написанная красным фломастером на задней стороне использованного конверта.

Дорогая новая соседка,

я отправилась купить какой-нибудь дешевой выпивки. Мы ведь должны отпраздновать новоселье. Если хочешь, устраивайся в большой комнате. Я в любом случае предпочитаю жить поближе к туалету.

С. х

Вот так. Она ухитрилась очаровать меня прежде, чем я ее увидела. И хотя мы во многом несхожи, у нас достаточно много общего, чтобы замечательно уживаться

вместе. Да, забыла сказать, Сара – невозможная красотка. Ее огненно-рыжие волосы волнами падают почти до задницы, и фигура у нее обалденная, хотя ей наплевать, как она выглядит.

Обычно, оказавшись рядом с подобной красавицей, я чувствую себя жалкой дурнушкой, но Сара умеет вселять в меня уверенность. В тот день, вернувшись из магазина и увидев меня, она воскликнула:

– Вот это номер! Да ты вылитая Элизабет Тейлор! Надо повестить на дверь хороший замок, иначе твои поклонники не дадут нам покоя.

Мягко говоря, она преувеличивала. Я не особенно похожа на Элизабет Тейлор. Правда, моя бабушка по материнской линии была француженкой, и от нее я унаследовала темные волосы и голубые глаза. Кстати, в молодости бабушка была довольно известной балериной, дома у нас до сих пор хранятся программки спектаклей с ее участием и газетные вырезки с восторженными отзывами. Но из меня парижанки не вышло, бабушкиного изящества и грации я в наследство не получила, и если ее темные волосы обрамляли головку аккуратной шапочкой, мои непослушные наэлектризованные кудри напоминают копну. К тому же у меня никогда не хватало силы воли, чтобы отказаться от шоколадных пирожных. Боюсь, когда обмен веществ у меня замедлится, я превращусь в толстуху.

Сара любит шутить, что мы с ней – принцесса и шлюха. Под шлюхой она подразумевает себя, под принцессой – понятно кого. Честно говоря, не слишком удачное сравнение. В ней нет ни грамма вульгарности, а мне явно не хватает изысканности и элегантности. Так что принцесса из меня никакая. Но, как я уже сказала, мы отлично дополняем друг друга, и нам весело вдвоем. По-моему, точнее будет сравнить нас с Тельмой и Луизой. Именно поэтому я так растерялась, узнав, что моя Тельма по уши влюблена в какого-то парня, которого я в глаза не видела.

– Как думаешь, выпивки хватит? – спрашивает Сара, окинув критическим взглядом ряд бутылок на кухонном столе.

Никто не сказал бы, что подбор напитков отличается утонченностью – это дешевые вино и водка, которые мы в течение трех последних месяцев покупали в ближайшем супермаркете в те дни, когда на это пойло объявлялась скидка. Как видите, готовиться к вечеринке мы начали загодя.

– Выпивки более чем достаточно, – говорю я. – К тому же многие гости наверняка принесут с собой бутылку-другую. Классно повеселимся.

Желудок мой громко урчит, напоминая, что я ничего не ела с самого утра.

– Слышишь? – Я потираю живот. – Мои кишки просят тебя приготовить твой фирменный сэндвич.

Сарины сэндвичи уже вошли на Деланси-стрит в легенду и удостоены звания фирменного блюда нашей квартиры. Редкий завтрак здесь обходится без святой троицы: бекона, грибов и свеклы, которые входят в рецептуру нашего излюбленного сэндвича.

– Почему бы тебе не состряпать сэндвич самой?! – хохочет Сара.

– У меня так вкусно не получится.

– Учись, пока я жива, – ухмыляется Сара, открывая холодильник.

Наблюдаю, как она сооружает огромный сэндвич. На этот раз в дело идут курица, сыр, лук-порей, майонез и даже клюквенный джем. Да, Сару мне никогда не превзойти. Знаю, что подобное сочетание может показаться неудобоваримым, но поверьте, это не так. Все те годы, что мы с Сарой живем вместе, мы следим, чтобы в холодильнике у нас всегда были необходимые ингредиенты для самых невероятных комбинаций. Можно сказать, сэндвичи – основа нашего рациона. Точнее, он зиждется на трех китах: сэндвичах, мороженом и дешевом вине.

– Клюква, если можно так выразиться, придает ему изюминку, – прожевав первый кусок, говорю я.

– Главное здесь – чувство меры, – наставительно изрекает Сара. – Положишь слишком много клюквенного джема, и его вкус заберет все. А переборщить с сыром – это вообще жесть! Будет казаться, что ты жуешь потный носок подростка.

Я подношу сэндвич ко рту, чтобы откусить еще раз, но Сара хватается меня за руку:

– погоди! Нам надо выпить, чтобы как следует взбодриться перед вечеринкой.

Подруга приносит два стакана. Догадавшись, что она задумала, я испускаю приглушенный стон. Сара с довольным смехом открывает шкаф и извлекает пыльную бутылку, притаившуюся за коробкой с овсяными хлопьями.

– Моча монаха! – провозглашает она, наливая нам по глотку.

Иными словами, бенедиктин. Бутылка, кстати, досталась нам вместе с квартирой. Надпись на этикетке сообщает, что это особая смесь лечебных трав и специй. Однако же вкус у этой таинственной смеси такой, что, глотнув ее один раз, мы с Сарой пришли к единодушному выводу: это не что иное, как моча монаха-бенедиктинца. Время от времени, обычно в преддверии Рождества, мы позволяем себе отведать этой бурды. Ритуал, напоминающий добровольную пытку, неизменно вызывает у нас приступ веселья.

– Хорошо пошла! – ставя стакан на стол, сообщает Сара. – Счастливого Рождества, Лу!

Мы подмигиваем друг другу и допиваем то, что осталось в стаканах.

– С годами эта хрень становится все круче, – шепчу я, ощущая, как жидкость насквозь прожгла мне нёбо.

– Да, атомная штука, – хрипит Сара. – Ешь свой сэндвич, ты его заслужила.

Некоторое время мы молча жуем. Покончив с сэндвичем, Сара стучит по краю тарелки:

– Думаю, сегодня в сэндвичи стоит добавить колбасу. Рождество все-таки.

– Нет, в фирменное блюдо нельзя совать что попало, – качаю головой я. – Можно все испортить.

– Лори, сервелатом сэндвич не испортишь, – возражает Сара и добавляет, многозначительно вскинув бровь: – Надеюсь, Дэвиду наше фирменное блюдо придется по вкусу. А сам он придется по вкусу тебе.

Честно говоря, я на это не слишком рассчитываю. Принимая во внимание, каких отморожков подсовывала мне Сара прежде, от Дэвида многого ждать не приходится.

– Ладно, хватит прохлаждаться. – Я поднимаюсь из-за стола. – Гости появятся совсем скоро, а у нас еще ничего толком не готово.

Выпив три стакана белого вина, я ощущаю приятную расслабленность. Но тут меня находит Сара и за руку вытаскивает из кухни.

– Он пришел, – шепчет она, сжимая мою руку так, что хрустят кости. – Иди поздоровайся с ним. Будь мила и приветлива.

Подруга бесцеремонно толкает меня в спину. Я смущенно улыбаюсь взирающему на эту сцену Дэвиду. Через несколько минут в его обществе я осознаю, что парень не так уж плох. Ему несколько раз удастся меня рассмешить, и он следит за тем, чтобы мой стакан не пустовал. Бесспорно, он симпатичный – чем-то напоминает Росса из сериала «Друзья». Тем не менее я ощущаю, что грядущая встреча с бойфрендом Сары занимает меня куда больше, чем разговор с Россом, простите, с Дэвидом. Иными словами, мой внутренний барометр показывает «ясно». Никаких душевных катаклизмов.

Сара хватается меня за рукав, и мы протискиваемся сквозь толпу оживленно болтающих и смеющихся людей, многих из которых я вижу в первый раз в жизни. Пресловутый бойфренд переминается с ноги на ногу, стоя у дверей.

– Лори, это Джек, – сияя, произносит Сара. – Джек, это Лори. Моя Лори, – добавляет она многозначительно.

Я открываю рот, чтобы поздороваться, и тут вижу его лицо. Сердце мое моментально подпрыгивает и застревает где-то в горле. Ощущение такое, словно меня подвергли сеансу электрошока. Язык отказывается мне

повиноваться.

Я уже видела его.

Со времени нашей первой и единственной встречи прошел почти год, но кажется, это было вчера. Переполненный автобус, взгляд, брошенный со второго этажа, воздушный поцелуй на прощание.

– Лори... – Он повторяет мое имя.

Глядя на него, я готова разрыдаться от облегчения. Подумать только, целый год я как сумасшедшая жила надеждой на случайную встречу. Гонялась за ним по всему городу. А он взял да и пришел сам. Господи, как долго я выискивала это лицо в толпе! Где бы я ни оказалась – в метро, в автобусе, в кафе, в баре, – первым делом начинала выглядывать, нет ли здесь его. Чувствовала, что у меня едет крыша, но не могла отказаться от поисков. Без конца доставала Сару разговорами о своем Автобусном Парне. Она утверждала, что, встретив его на улице, непременно узнает.

Как выяснилось, подруга ошибалась. Вместо того чтобы найти мою любовь, она встретила свою.

Я смотрю в его глаза. Зеленые, как древесный мох, а в глубине зрачков пляшут янтарные искорки. Но меня поражает вовсе не цвет его глаз, а вспыхнувшее в них узнавание. Голова у меня идет кругом. Через мгновение огонек узнавания гаснет. Может, то была всего лишь игра моего воспаленного воображения?

– Джек... – выдавливаю я из себя и протягиваю руку. – Рада познакомиться с тобой, Джек.

Он кивает, по губам его скользит едва заметная улыбка.

– Лори...

Я бросаю на Сару растерянный взгляд. Мне кажется, она должна обо всем догадаться. Но она не замечает ничего странного, смотрит на нас и улыбается как чокнутая. Моя подруга, похоже, пребывает в эйфории под воздействием

алкогольных паров.

Совершенно не представляю, что делать. Как бы я сейчас ни поступила, это будет глупо. В голове у меня полный сумбур, сердце по-прежнему стучит где-то в горле. Произошла колоссальная, недопустимая ошибка. Он не может быть парнем Сары. Он мой. Уже целый год.

– Она классная, правда?

Сара толкает меня в спину, побуждая заключить его в объятия. Она хочет, чтобы мы немедленно стали закадычными друзьями. Блин, как меня угораздило попасть в такую переделку?!

– Лори в точности такая, как я представлял ее по твоим восторженным рассказам, – кивает Джек.

Вид у него такой, словно он одобряет новую машину своей подружки. Он пристально смотрит на меня, и на лице его вдруг мелькает виноватое выражение. Он явно смущен. Возможно, дело в том, что он меня вспомнил. Возможно, ему неловко за Сару, которая ведет себя как перебравшая тетушка на свадьбе.

– Лори, а ты что скажешь? – поворачивается ко мне Сара. – Похож он на героя моих рассказов? Или реальность даже превосходит ожидания?

Она хохочет, светясь от гордости. На ее месте я тоже гордилась бы.

Я киваю, судорожно сглатывая, и издаю нечто вроде сдавленного смеха:

– Пожалуй, превосходит.

Уступая настоятельному желанию Сары, Джек наклоняется и касается губами моей щеки.

– Счастлив с тобой познакомиться, – произносит он; голос у него в точности такой, каким должен быть: глубокий, мягкий, волнующий. Обалденный голос! – Сара никогда не устает о тебе рассказывать.

– Я тоже о тебе немало наслышана. – Я снова выдавливаю из себя идиотский дребезжащий смех. – Мне даже кажется, я давно тебя знаю.

Так оно и есть. Чувство у меня такое, словно мы знакомы целую вечность. Мне отчаянно хочется припасть губами к его губам. Хочется схватить его за руку, утащить в свою комнату, запереть дверь и, оставшись с ним наедине, сказать, что я люблю его. А потом повалиться с ним на кровать, ощущая его тепло и пьянящий аромат его кожи.

Вместо этого я тупо молчу. Господи, как я себя ненавижу! Сердце мое колотится так громко, что заглушает музыку. Делаю пару шагов в сторону, не в силах больше выносить этих адских мучений.

– Выпьешь что-нибудь? – предлагает Сара, веселая, беззаботная и невыносимая.

Джек кивает, хватаясь за это предложение как за спасательный круг.

– Лори? – Сара делает жест, приглашая меня пойти с ними.

Я переступаю с ноги на ногу, изображая настоятельную необходимость посетить туалет.

– Я скоро присоединюсь к вам.

У меня одно желание: оказаться как можно дальше от него, от них, от всего этого.

Очутившись в спасительном уединении ванной, я запираю дверь, сажусь на пол и роняю голову на руки. Несколько раз глубоко вдыхаю, пытаюсь сдержать слезы.

О боже! Боже, боже! Что мне делать! Я люблю Сару, она моя сестра, хотя между нами и нет биологического родства. Но теперь передо мной разверзлась пучина, грозящая поглотить корабль, на борту которого мы трое. Не представляю, в какую сторону плыть, чтобы достичь берега. А что, если... В моей душе вспыхивает слабый огонек надежды. Что, если взять и просто рассказать им обо всем. И Сара тут же поймет, что секрет ее привязанности к Джеку в том, что она

бессознательно угадала в нем Автобусного Парня. Мы все трое будем хохотать до упаду над этим абсурдным совпадением! Да, но что потом... Я ведь не собираюсь отбивать его у Сары. Рассчитывать на то, что она любезно уступит его мне? Но он не пирожок и не дамская сумочка. Честно говоря, нет никакой уверенности в том, что он вообще меня узнал.

Свинцовая плита отчаяния давит слабые ростки надежды. Ничего не выйдет. Ровным счетом ничего. Сара ни о чем не догадывается, она довольна и счастлива. Сияет ярче, чем Вифлеемская звезда. Чудеса под Рождество случаются только в идиотских сопливых мелодрамах. Сара – моя лучшая подруга, самый близкий мне человек. А это значит, до конца жизни я ни словом, ни взглядом не намекну Джеку О’Мара, что мое бедное сердце принадлежит ему безраздельно.

19 декабря

Джек

Черт, какая она красивая, когда спит!

В горло мне словно сунули лопату песка, и прошлой ночью Сара так дернула головой, что едва не сломала мне нос. Но сейчас, когда ее огненно-красные волосы рассыпаются по подушке, будто она плавает на поверхности воды, я все готов ей простить. Она похожа на сказочную Русалочку. Сравнение, достойное извращенца.

Я соскальзываю с кровати и набрасываю на себя первое, что подворачивается под руку, – халат Сары. Дурацкий халат, на котором нарисованы ананасы. Но я понятия не имею, куда запропастилась моя одежда, а мне необходимы таблетки от головной боли. Учítывая, какой кавардак творился здесь прошлым вечером, я не удивлюсь, если пара-тройка гостей решила заночевать на полу в гостиной. Халат с ананасами наверняка шокирует их меньше, чем моя голая задница. Блин, халат такой короткий, что задницу почти не закрывает! Постараюсь проскользнуть незаметно.

– Принеси попить, – хрипит Сара и высовывает руку из-под одеяла.

– Будет сделано! – отвечаю я.

Глаза у нее закрыты. Я осторожно беру ее руку и убираю под одеяло. Она бормочет что-то нечленораздельное. Наверное, это означает «спасибо» или что-нибудь в этом роде.

– Вернусь через пару секунд, – говорю я и целую ее в лоб.

Она уже провалилась в омут сна. Я предвкушаю, как через несколько минут последую ее примеру. Еще раз полюбовавшись Сарой, я выхожу и тихонько закрываю дверь.

– Если тебе нужен парацетамол, он в кухонном шкафу справа.

Я замираю на секунду, судорожно сглатываю, открываю шкаф и нахожу маленькую голубую коробочку.

– Ты читаешь мысли на расстоянии, – говорю я, поворачиваясь к Лори, растягиваю губы в улыбке, но, честно говоря, мне жутко неловко.

Я с ней уже встречался, то есть я хочу сказать, вчера вечером я увидел ее не в первый раз. В реальности наша встреча длилась всего несколько секунд. Но представьте себе, потом я несколько раз видел ее в сладких предутренних снах и, просыпаясь, испытывал острое чувство разочарования. Не знаю, помнит ли она меня. Надеюсь, нет. Сейчас, когда я стою перед ней в идиотском женском халате, не закрывающем яйца, мне совершенно не хочется, чтобы она меня помнила.

Ее темные волосы собраны в пучок, и выглядит она не лучшим образом. Такое впечатление, что парацетамол ей тоже не помешает. Я протягиваю ей коробочку.

Сара так много болтала о своей обожаемой подруге, что мне казалось, я вижу эту Лори как живую. Однако реальность не имеет ничего общего с моими

фантазиями. Сара поразительно яркая, и я считал, ее подруга должна быть ей под стать. Этакая парочка экзотических попугаев в одной клетке. Но Лори совершенно не похожа на попугая. Куда больше она напоминает... сам не знаю кого, может быть, малиновку. В ней ощущается... ну скажем так, внутренний покой. Сразу чувствуется, она живет в гармонии с собой и поэтому ей нетрудно ладить с окружающими.

– Спасибо, – говорит Лори и берет пару таблеток.

Я протягиваю ей стакан с водой, она чуть приподнимает его, словно собирается выпить за мое здоровье, и глотает таблетки.

Заглядывает в коробочку, проверяя, сколько осталось, и протягивает ее мне.

– Как раз хватит, – говорит она. – Сара обычно принимает...

– По три, – подсказываю я, и она кивает.

– Да, по три.

Мы словно соревнуемся, кто из нас лучше знает привычки Сары. Разумеется, Лори. Мы с Сарой вместе всего месяц или около того. Господи боже, это не девчонка, а смерч! Для того чтобы за ней поспевать, все время приходится бегать. Мы с ней познакомились на работе. Застряли вдвоем в лифте. За те пятнадцать минут, что мы были пленниками замкнутого пространства, я успел кое-что узнать. Во-первых, сейчас Сара работает внештатным репортером на региональном канале, но со временем собирается перевернуть мир. Во-вторых, как только мы окажемся на свободе, я должен пригласить ее пообедать, потому что она этого хочет. Кстати, это вполне отвечало моим собственным желаниям. В-третьих, я догадался, что лифт она остановила сама. Получив все, что хотела, Сара позволила ему прийти в движение. Когда дело касается ее желаний, она способна на все.

– Сара много о тебе рассказывала, – бормочу я, наполняя чайник водой, и включаю его.

– Она не упоминала, что по утрам я предпочитаю кофе?

Лори подходит к шкафу и достает кружки. Я незаметно пожираю глазами ее тело. Ненавижу себя за это, но что я могу поделать с условным рефлексом? На ней свободная пижама, очень целомудренная, но все же, когда она двигается, под тканью обрисовываются бугорки груди и округлости бедер. Лори босиком, ногти на ногах покрыты синим лаком.

– Э-э-э... – бурчу я, делая вид, что ищу чайную ложку.

Лори выдвигает ящик и показывает мне, где они лежат.

Мы одновременно протягиваем к ящику руки, она резко отдергивает свою и негромко смеется.

Я сосредоточенно размешиваю в кружке растворимый кофе. Лори сидит напротив, подогнув под себя одну ногу.

– Сара не говорила, сколько ложек кофе ты обычно кладешь в кружку, но я попробую догадаться. Мне кажется... – Подавшись вперед, я буравлю ее глазами. – Да, ты любишь крепкий кофе и всегда кладешь две ложки. – (Лори смотрит на меня, глазом не моргнув.) – А вот сахара ты не кладешь вообще, – добавляю я, проводя рукой по шее. – Тебе бы очень хотелось положить, но у тебя сильная воля.

Боже, что за бред я несу! Все это выглядит так, словно я решил за ней приударить. Но я ничего подобного не замышляю. И мне совершенно не хочется, чтобы она приняла меня за прохиндея, который не пропускает ни одной юбки. То есть я хочу сказать, девчонок у меня было достаточно, пару раз я серьезно влюблялся, но то, что происходит между мной и Сарой... это совсем другое. Такого со мной еще никогда не происходило. И я не хочу, чтобы это закончилось. По крайней мере, в ближайшее время.

Лори строит гримасу и качает головой:

– Не угадал. Две ложки сахара, пожалуйста.

– Ты шутишь! – смеюсь я.

– И не думаю, – пожимает она плечами. – Я всегда пью кофе с сахаром. Иногда кладу две ложки, иногда – две с половиной. Если у меня кислое настроение.

Надо же, у нее тоже бывает кислое настроение. Кто бы мог подумать. Боже, мне нужно как можно скорее убраться из этой кухни и завалиться в кровать! По-моему, мой мозг еще не проснулся.

– Знаешь что? – поднимаясь, говорит Лори. – Я чувствую, что сейчас вообще не хочу кофе.

Она быстро выходит из кухни, я не успеваю рассмотреть выражение ее лица. Неужели я чем-нибудь обидел ее? Может быть. Возможно, она ушла, устав бороться с желанием запустить мне в голову кружкой. Иногда я вызываю у женщин именно такое желание.

Лори

– Ну? Что скажешь?

Четыре часа дня. Мы с Сарой сидим друг напротив друга за голубым кухонным столом. Перед нами кружки с кофе и остатки вчерашнего угощения. Квартира только что приведена в более или менее пристойный вид. Правда, рождественская елка, которую мы совместными усилиями втащили пару дней назад, выглядит так, словно ее трепала стая взбесившихся кошек. Но кроме этого, а также пары разбитых стаканов, наша квартира не понесла серьезного урона. Судя по долетевшим до меня звукам, Джек ушел где-то около полудня. Скажу честно, сохранять спокойствие в этой абсурдной ситуации у меня никак не получается. Услышав, как хлопнула дверь, я подбежала к окну, чтобы наблюдать, как он переходит улицу. В фильмах ужаса такие штуки обычно проделывают маньяки.

– Неплохо потусили, да? – говорю я, намеренно делая вид, что не поняла Сарин вопрос. Нужно выгадать время, чтобы собраться с мыслями.

Сара округляет глаза, недоумевая, по какой причине я строю из себя дурочку.

– Ты знаешь, о чем я. Как тебе понравился Джек?

Ну вот, началось. В наших отношениях с Сарой возникла тонкая трещинка, она ее пока не замечает. И я должна в одиночку ломать себе голову над тем, как не дать этой трещинке расшириться и превратиться в пропасть, куда очертя голову полетим мы обе. Сейчас – самый подходящий момент для того, чтобы поговорить обо всем начистоту. Если я упущу эту возможность, другой может не подвернуться. Но Сара смотрит на меня с такой надеждой... К тому же не исключено, что вся эта дурацкая ситуация – плод моего больного воображения. В общем, открыть правду я не решаюсь.

– Он... симпатичный, – бормочу я, нарочно выбрав самое банальное, ничего не значащее слово для самого необычного парня на свете.

– «Симпатичный»?! – фыркает Сара. – Лори, это слово больше подходит для котенка, пары пушистых домашних тапочек, вазочки для цветов и прочей ерунды в этом роде.

– По-моему, симпатичный котенок – это вовсе не ерунда! – натянуто смеюсь я. – Да и пушистые домашние тапочки тоже.

– А я бы не отказалась от симпатичной вазочки. Но Джек не котенок и не вазочка! Он такой... – Сара осекается и погружается в задумчивость.

Он пьянит, как шампанское, хочется подсказать мне. Завораживает, как звездное небо.

– Может, точнее будет сказать, что он очень симпатичный? – спрашиваю я с дурацкой улыбкой.

– Да ну тебя! – отмахивается Сара. – Уж если и сравнивать его с чем-то, так только с кремовой трубочкой. По крайней мере, у него есть часть тела, достойная этого сравнения.

Подруга хохочет, довольная собственной пошлой шуткой. Но глаза ее подернуты мечтательной дымкой. Мне вовсе не хочется слушать, как она рассуждает о непревзойденных достоинствах Джека, поэтому я пожимаю плечами и начинаю тараторить сама:

– Хорошо-хорошо, признаю, он классный парень. С юмором, из тех, с кем приятно потрепаться. А самое главное, влюблен в тебя по уши.

– Правда? – довольно усмехается Сара. – Тебе показалось, он в меня влюблен?

Я молча киваю. Некоторое время мы пьем кофе. Украдкой я бросаю взгляд на Сару. Сейчас, когда она без макияжа и ее роскошные волосы заплетены в две длинные косы, ей можно дать лет четырнадцать. Футболка с надписью «My little pony» довершает впечатление.

– Скажи, Джек оказался таким, каким ты его представляла? – нарушает молчание Сара.

Блин, мое терпение на пределе! Боюсь, еще минуты подобного разговора мне не выдержать.

– Знаешь, его образ был у меня каким-то... не слишком отчетливым, – пытаюсь отвертеться я.

– Но какой-то образ у тебя все-таки был? – не унимается Сара. – Расскажи какой.

В течение последних двенадцати месяцев образ Джека О'Мара царил в моем воображении безраздельно. Но признаваться в этом мне совершенно не хочется.

– Да что обо мне говорить? – пожимаю плечами я. – Главное, он именно тот парень, который идеально подходит тебе.

Сара выпускает вздох и устремляет в пространство блаженно затуманенный взгляд. Хорошо, что мы обе еще не оправились от похмелья, думаю я. По крайней мере, этим можно объяснить мое нежелание пускаться в долгие разговоры.

– Правда, с первого взгляда видно, что он очень темпераментный?

Опасаясь, что глаза выдадут меня с головой, я утыкаюсь взглядом в кружку с кофе. Сара, как назло, не отрываясь смотрит на меня. Выражение ее лица говорит о том, что ей очень важно услышать мое мнение. Я прекрасно понимаю

ее, но мне от этого не легче. Сара, самая яркая девушка в любой компании, привыкла быть в центре внимания. Она могла превратиться в самодовольную воображалу, однако она вовсе не воображала, хотя и живет в убеждении, что любой парень, стоит поманить его пальцем, окажется у ее ног. Именно поэтому все ее бойфренды были писаными красавчиками. Если ты можешь позволить себе красавца, зачем останавливаться на более скромном варианте?

До поры до времени Сарино пристрастие к красавчикам меня только забавляло. Мне казалось, это означает, что нам никогда не придется стать соперницами. Как выяснилось, я ошибалась.

Что мне ответить? Безопасный вариант невозможен. Если я отвечу утвердительно, Сара, пожалуй, начнет рассуждать о его сексуальных подвигах, и это окончательно меня доконает. Если я скажу, что его темперамент не бросается в глаза, я нанесу ей оскорбление.

– Он... он не похож на парней, с которыми ты встречалась прежде... – мямлю я.

– Правильно, – кивает Сара и прикусывает нижнюю губу. – Говори откровенно, я не обижусь. Знаю сама, он не такой смазливый, как другие мои парни. Ты это хотела сказать?

– Ну, его никак не назовешь страхолюдиной, – пожимаю плечами я. – Просто... он другой. – Я умолкаю и бросаю на нее многозначительный взгляд. – Твой предыдущий парень походил на Мэтта Деймона больше, чем сам Мэтт Деймон.

Сара хохочет, потому что это чистая правда. Сходство было таким разительным, что я в лицо называла его Мэтт. Не знаю, обижало это его или нет. Выяснить не было времени. Дело в том, что он звонил своей мамочке по три раза в день, и после четырех свиданий Сара решила, что его сногшибательная красота не компенсирует этого прискорбного обстоятельства.

– Джек куда более взрослый, чем все мои прежние, – со вздохом сообщает Сара. – Они были мальчишками, а он настоящий мужчина. Хотя «настоящий мужчина» – это очень тупое выражение.

Я качаю головой и героическим усилием растягиваю губы в улыбке:

– По-моему, вовсе не тупое.

– Я так понимаю, ему пришлось рано повзрослеть, – рассуждает Сара. – Отец его умер несколько лет назад. От рака. – Она выпускает сокрушенный вздох. – С тех пор Джеку пришлось заботиться о матери и младшем брате.

Сердце мое разрывается от сочувствия, я слишком хорошо понимаю, как это тяжело.

– Он... Похоже, он очень уверен в себе, – замечаю я.

Саре мои слова явно приходятся по вкусу.

– Так оно и есть. Только его самоуверенность не имеет ничего общего с зазнайством. Он просто имеет свое мнение и никогда не следует за толпой.

– Здорово!

Сара погружается в задумчивое молчание.

– Ты ему понравилась, – сообщает она через несколько секунд.

– Это он сам тебе сказал? – пытаюсь я произнести как можно беззаботнее. Впрочем, боюсь, в моем голосе звучит отчаяние, но Сара и бровью не ведет.

– Я и сама не слепая. Уверена, вы подружитесь, – ухмыляется она и встает из-за стола. – Вот увидишь. Ты обязательно его полюбишь, когда узнаешь получше.

Подруга выходит из кухни и, проходя мимо, ласково проводит рукой по моим волосам. Мне хочется вскочить, заключить ее в объятия, рассказать обо всем и попросить мне помочь. Вместо этого я придвигаю к себе сахарницу и опускаю в кофе лишнюю ложку сахара. Слава богу, скоро я еду домой на рождественские каникулы. Будет время спокойно обдумать стратегию и тактику своего поведения в сложившихся обстоятельствах.

2010 год

Новогодние обязательства

В прошлом году я приняла два обязательства:

1. Найти хорошую работу в каком-нибудь журнале. Что ж, можно с уверенностью сказать, что на этом фронте я потерпела сокрушительное поражение. Несколько неудачных собеседований и пара статей, которые так и не были опубликованы, – результат, который никак нельзя назвать блистательным. Как это ни прискорбно, я по-прежнему работаю в отеле. Известно, что люди с трудом выходят из привычной колеи, но с легкостью расстаются с мечтами. Но пока я не намерена сдаваться.

2. Найти парня с автобусной остановки.

Формально это обязательство выполнено. Я убедилась на собственном опыте, что, принимая новогодние обязательства, надо формулировать их предельно точно. Но как я могла предугадать, что моя лучшая подруга найдет героя моих грез и влюбится в него? Моей подруге достался новый бойфренд, мне – от мертвого осла уши. За что и благодарю вселенский разум.

Итак, каковы мои желания в наступающем году?

Я хочу лишь одного: разлюбить его.

18 января

Лори

С тех пор как выяснилось, что мы с Сарой влюблены в одного парня, прошел месяц. И хотя я твердо решила разлюбить его, в выполнении этого намерения я пока не слишком преуспела.

Пока я ничего о нем не знала, все было куда проще. Я могла сколько угодно предаваться фантазиям и воображать, как увижу его в многолюдном шумном баре или в тихом уютном кафе. Рисовать в мечтах, как взгляды наши встретятся вновь и мы возблагодарим небеса за это чудо.

Но теперь я точно знаю, кто он такой. Его зовут Джек О'Мара. Он парень Сары.

Все рождественские каникулы я твердила себе, что теперь, когда герой моих грез стал реальностью, разлюбить его будет легко и просто. Наверняка у него окажутся какие-то черты и качества, которые не придется мне по вкусу. К тому же, постоянно видя его рядом с Сарой, я привыкну к мысли, что между нами возможна исключительно платоническая дружба. Я притворялась, что у меня все отлично, отчаянно набивала себе желудок и гуляла в обществе Дэрила и Анны.

Но когда я вернулась в Лондон, все пошло гораздо хуже. Теперь мне приходится обманывать не только себя, но и Сару. Не представляю, как некоторые люди выстраивают целые пирамиды лжи. Для меня любой обман – это тяжелое испытание. Чувствую себя судьей и подсудимым одновременно. Подсудимый проливает крокодиловы слезы, утверждает о своей невинности и молит о снисхождении, но судья выносит суровый вердикт: «лжец». Я не хочу лгать, но другого выхода у меня нет. Когда я разговариваю с Сарой, мне кажется, язык мой раздваивается, будто у змеи. И как ни больно мне в этом признаться, глядя на нее, я порой испытываю приступы жгучей ревности. Поверьте на слово, ревность – просто омерзительное чувство. Не будь я так далека от религии, наверняка не вылезала бы из исповедальни, каюсь в своих бесчисленных грехах. Чувствую себя загнанной в угол. Правда, иногда мне удается себе внушить, что я не сделала ничего плохого и мы с Сарой, несмотря ни на что, останемся лучшими подругами. Но подобные светлые моменты бывают не часто, и я вновь погружаюсь в пучину душевных терзаний. Кстати, выяснилось, во мне умерла неплохая актриса. Уверена на сто процентов, Сара даже не замечает, в каком аду я нахожусь. Когда должен прийти Джек, я ловко придумываю предлоги для того, чтобы уйти из дома.

Увы, сегодня удача от меня отвернулась. Сара заявила Джеку, что хочет поесть пиццы и посмотреть какое-нибудь кино. Предполагается, что в этих

мероприятиях буду участвовать и я. Сара хочет, чтобы мы с Джеком получше узнали друг друга. Она сообщила мне об этом утром, когда мы пили кофе за кухонным столом.

– Прошу тебя, Лу, не надо сегодня никуда убегать. Вот увидишь, мы чудно проведем время вместе.

Придумать убедительную отговорку экспромтом мне не удалось. К тому же я сознаю: избегая Джека, проблему не решить. Есть одно обстоятельство, которое тревожит меня сильнее всего. Хотя девяносто пять процентов моей души замирают от ужаса, оставшиеся пять бурлят от радости, предвкушая вечер в его обществе.

Прости, Сара, я ничего не могу с собой поделать.

– Позволь, я повешу твое пальто.

Что это за фразу я отмочила? Я что, решила изображать из себя горничную? Для пущего эффекта надо было назвать его «сэр». С тех пор как Джек вошел в нашу квартиру, прошло всего тридцать секунд, а я уже проявила себя полной идиоткой.

На губах его играет нервная улыбка. Он разматывает длинный шарф, снимает пальто и вручает его мне с каким-то виноватым видом, хотя я сама только что попросила Джека об этом. Делаю над собой отчаянное усилие, чтобы не прижаться лицом к темно-синей шерстяной ткани. Пристраиваю пальто Джека на вешалке у дверей, как можно дальше от собственной куртки. Из всех сил стараюсь держаться непринужденно, но получается хреново. Джек появился на полчаса раньше, как раз в тот момент, когда Сара выскочила в магазин. В общем, всё как в дурацком фарсе.

– Сара скоро вернется. Она пошла за вином, – бормочу я. – Это здесь, поблизости. Так что она будет минут через пять. Если там нет очереди, конечно. Магазин совсем рядом. За углом.

Джек кивает. Несмотря на мой дебильный лепет, на губах его играет улыбка.

– Проходи, пожалуйста, – с преувеличенной любезностью говорю я, делая широкий жест в сторону нашей крохотной гостиной. – Как провел Рождество?

Он опускается на краешек дивана, я, покружив по комнате, сажусь на стул. Да, это единственно верный выбор. Плюхаться на диван рядом с ним было бы неправильно. Чего доброго, мы коснулись бы друг друга.

– Рождество прошло по-рождественски, – по-прежнему улыбаясь, отвечает Джек. Теперь его улыбка кажется мне почти робкой. – Индейка и много-много пива.

– У меня все было в точности так же, – улыбаюсь я в ответ. – За исключением того, что я не большая любительница пива. Предпочитаю вино.

Что это я несу? Пытаюсь намекнуть, что перед ним утонченная натура? Пожалуй, я отпугну его своим снобизмом.

Возвращайся быстрее, Сара, мысленно молю я. Возвращайся и спасай меня. Я не готова к тому, чтобы оказаться с ним наедине. Мне отчаянно хочется воспользоваться возможностью и спросить, помнит ли он меня. Помнит ли, как я послала ему воздушный поцелуй из окна автобуса. Вопрос вертится у меня во рту, как живой, кусает за язык, точно взбесившийся муравей, и мне приходится судорожно сглатывать, чтобы не дать ему вырваться наружу. Ладони мои взмокли от пота. Не могу понять, откуда это сумасшедшее желание выяснить, помнит он меня или нет. Ведь я уверена на девяносто девять процентов: не помнит. Джек живет в реальном мире, у него офигенная девушка. Наверняка он забыл обо мне прежде, чем мой автобус завернул за угол Камден-Хай-стрит.

– Скажи, Лори... – произносит он, явно не зная, что у меня спросить.

Ничем не могу ему помочь. Я тоже не обладаю умением поддерживать разговор. Даже в кресле у парикмахера предпочитаю молчать. А если вдруг нарываюсь на любительницу поболтать, фантазирую на тему «Куда я собираюсь поехать в отпуск».

– Скажи, Лори, что ты изучала в университете?

– Журналистику и медиатехнологии.

На его лице не отражается ни малейшего удивления. Наверняка он знает, что мы с Сарой вместе учились в Мидлсекском университете.

– Предпочитаю работать с текстами, – решаю я развить тему. – Надеюсь устроиться в какой-нибудь журнал. Телевидение – это не мое. При виде камеры меня охватывает ужас.

В отличие от Сары, добавляю я про себя. Говорить об этом вслух нет нужды. Наверняка он знает, что Сара намерена стать звездой национального телевидения. Она из девушек, в крови которых кипят амбиции, – простите за банальность. Обычно я не изъясняюсь цитатами из «Фейсбука», но тут иначе не скажешь. Помимо амбиций, у Сары есть еще и твердый характер. Прекрасное сочетание для того, чтобы воплотить свои мечты в реальность.

– А ты чем занимаешься?

Джек пожимает плечами:

– В универе тоже изучал журналистику. Сейчас работаю на радио.

Я это прекрасно знаю. Сара настроила наше кухонное радио на волну радиостанции, где он работает. Правда, в эфир Джек прорывается, мягко говоря, не часто – только в случае, если ведущий вечерней программы по какой-то причине отсутствует, а это бывает редко. Но начинать всегда приходится с нуля. И сейчас, слушая его звучный голос, я не сомневаюсь: недалек тот час, когда голос этот наполнит собой эфир. Да, Сара и Джек станут медиазвездами, такими Филом и Холли. Будут улыбаться мне с экрана каждый день, сыпать шутками, подхватывая остроты друг друга, и ежегодно получать премии зрительских симпатий. Я представляю себе все это с ужасающей отчетливостью, и меня прошибает пот. Услышав, как Сара поворачивает ключ в замке, я вздыхаю с облегчением.

– Солнышко, я дома! – кричит она и хлопает дверью так громко, что оконные рамы в гостиной дребезжат.

– Сара вернулась, – сообщаю я, хотя в этом нет ни малейшей необходимости. – Пойду помогу ей. – Я выскакиваю в коридор, беру бутылку вина из рук Сары. – Джек только что пришел. Иди поздоровайся с ним, а я поставлю вино в холодильник.

В кухне я ставлю бутылку рядом с коробкой замороженных ягод – когда мы с Сарой чувствуем, что подышаем от авитаминоза, то делаем смузи, – и жалею о том, что не могу спрятаться в холодильник сама.

Достав другую, уже охладившуюся бутылку, я наливаю вино в два стакана. Один для меня, другой для Сары. Джеку не наливаю, так как знаю: он предпочитает пиво. Тот факт, что мне известны его привычки и пристрастия, греет душу. Можно вообразить себе, что наши отношения куда более интимны, чем на самом деле. Именно такими фантазиями я утешаюсь, извлекая из холодильника бутылку пива и открывая ее. Прислонившись к двери холодильника спиной, я на мгновение закрываю глаза и представляю себе лоскутное одеяло, сшитое из тихих разговоров и брошенных украдкой взглядов, тайных желаний и заветных грез, мягкое и теплое одеяло нашей близости, которое укроет нас от всех жизненных невзгод. Господи, что со мной происходит?! Кажется, я брежу наяву.

Я делаю хороший глоток вина и пытаюсь направить свои мысли в более безопасное русло. Лоскутное одеяло, которое я так отчетливо себе представила, будет лежать на широченной кровати Джека и Сары в спальне их шикарного дома. Подобный прием я использовала уже много раз. Стоит мне размышлять о Джеке и представить себя рядом с ним, я тут же ставлю на собственное место Сару. Не могу сказать, что это всегда срабатывает. Иногда подобная подмена вызывает у меня тошноту. Но другой технологии я пока не изобрела.

– Лу, куда ты запропастилась? – доносится из гостиной беззаботный голос Сары. – У меня уже в горле пересохло. – Она хохочет и добавляет: – стакан для Джека можешь не приносить. Он не такой эстет, как мы, и не употребляет пойло по пять фунтов за бутылку.

Знаю, вертится у меня на языке. Но я молчу. Засовываю бутылку пива под мышку, беру в руки стаканы и иду в гостиную.

– Пицца с ананасами – это все равно что ветчина с заварным кремом. Неудобоваримое сочетание, – заявляет Сара и брезгливо отодвигает кусочек ананаса на край тарелки.

Джек берет злосчастный кусочек и отправляет себе в рот.

– Как-то раз я ел пиццу с бананами, – сообщает он. – И представь себе, мне понравилось! – Джек подмигивает мне. – Лори, а ты что скажешь? Имеет пицца с ананасами право на существование?

Я чувствую себя предательницей, но соврать не могу. Сара слишком хорошо знает мои вкусы.

– Имеет. Несомненно, имеет.

Сара насмешливо фыркает. Мысленно я жалею о том, что не соврала.

– Впечатляющее единодушие! – говорит Сара. – Как бы мне не пришлось пожалеть о том, что я решила познакомить вас поближе. Теперь я все время буду оказываться в меньшинстве.

– Да, из нас получится отличная команда. Под названием Джек-Лу. – Джек подмигивает мне и хохочет, Сара шутливо бьет его по руке, и он начинает потирать ушибленное место и стонать, словно от дикой боли.

– Осторожнее! Эта рука у меня рабочая. Я держу в ней бутылку с пивом.

– Так будет со всяким, кто попытается разбить команду Сара-Лу.

Теперь мне подмигивает Сара. Я киваю, всячески демонстрируя, что я на ее стороне, хотя и проявляю толерантность по отношению к пицце с ананасами.

– Прости, Джек, – говорю я. – Мы с Сарой – винные сестры. Вино объединяет крепче, чем пицца с ананасами.

Да, если бы не вино, сегодняшние посиделки мне бы точно не вынести, мысленно добавляю я.

Вы не представляете, как долго я ломала голову над тем, что сегодня надеть. Не хотелось выглядеть замухрышкой. Но и наряжаться, как для особого случая, тоже не хотелось. В результате я остановила свой выбор на джинсах и свободном серо-голубом джемпере. Наряд без всяких претензий, но и не совсем домашний. Что касается косметики, я ограничилась блеском для губ и слегка подвела глаза. В общем, разодетой в пух и прах меня никак не назовешь. Сразу видно, что я не пытаюсь затмить Сару. Кстати, она собственноручно заколола мне волосы своей серебряной заколкой, на которую я давно облизывалась. Из чего делаем вывод: Сара хочет, чтобы я выглядела привлекательно.

– Какой фильм будем смотреть? – спрашиваю я и протягиваю руку за очередным куском пиццы.

– «Сумерки», – говорит Сара.

– «Железный человек», – одновременно произносит Джек.

Перевожу взгляд с него на нее. Похоже, мне вновь придется сыграть роль третейского судьи.

– Помни, к какой команде ты принадлежишь, Лу, – ухмыляется Сара.

О, судя по всему, мне предстоит новое испытание. Я не читала роман «Сумерки» и не смотрела фильм, но точно знаю: это про любовный треугольник вроде нашего и, кажется, все там кончается очень плохо.

Джек смотрит на меня умоляюще, словно семилетний мальчик, который просит купить ему мороженое. Господи, какой он милый! Мне ужасно хочется сказать «Железный человек». Но еще ужаснее мне хочется сказать «поцелуй меня».

– «Сумерки», – торжественно изрекаю я.

Джек

Чертовы «Сумерки»!

В этот вечер все складывается паршиво. Трудно представить себе фильм, который мне сейчас хотелось бы смотреть меньше, чем эти паршивые «Сумерки»! Фильм о некой капризной девице, которая никак не может сделать выбор между двумя парнями. Причем оба наделены сверхспособностями. Очень актуальный сюжет, ничего не скажешь. Сара прижалась ко мне, я целую ее в макушку, не отрывая глаз от экрана. На Лори, сидящую в кресле, я даже украдкой взглянуть не осмеливаюсь. Поворачиваюсь к ней, только когда она ко мне обращается.

Мне вовсе не хочется, чтобы в наших с Лори отношениях возникла натянутость. Однако мы оба чувствуем себя неловко, и это моя вина. Она наверняка принимает меня за редкостного дебила, потому что в ее обществе я теряю навыки связной речи. Честно пытаюсь воспринимать ее как подругу Сары, а не как девушку в окне автобуса, которая так долго мне снилась. Пока получается из рук вон плохо. Все рождественские каникулы – они, кстати, были совершенно отстойными: мама ходила как в воду опущенная, а я не мог придумать себе другого занятия, кроме выпивки, – я рисовал в фантазиях Лори. Вспоминал, как она сидит на своей кухне в пижаме. Представлял ее взгляд – странный, как будто слегка растерянный. Господи, какой я идиот! Утешаюсь только мыслью о том, что у мужчин и женщин мозги устроены по-разному. Мужчины долго хранят в памяти хорошенькие мордашки, а женщины живут исключительно настоящим. Следовательно, Лори не помнит, как я пялился на нее на автобусной остановке. Тем не менее я пытаюсь сталкиваться с ней как можно реже, и пока мне это удавалось. Но вчера Сара напрямую спросила, почему я избегаю Лори. Что я мог на это ответить? Прости, Сара, сейчас я как раз пытаюсь навязать Лори, которая прежде была героиней моих сексуальных фантазий, платоническую роль «подруги моей девушки». Вряд ли ей это понравится. А ссориться с Сарой мне вовсе не хочется. Если мы с ней расстанемся, Лори тоже исчезнет из моей жизни. При мысли об этом у меня скручиваются кишки.

Я имел в виду, при мысли расстаться с Сарой.

14 февраля

Лори

Кем, собственно, был святой Валентин и почему он считается таким специалистом по части любви? Я так полагаю, он был одержим манией соединять в счастливые пары все и вся, включая бутылки с пивом и мусорные бачки.

Вы уже поняли, что День святого Валентина не относится к числу моих любимых праздников? То обстоятельство, что в этом году Сара пополнила ряды кретинов, скупающих открытки с сердечками и воздушные шарик, лишь усугубляет мой скепсис. К стыду своему, в глубине души я надеялась, что Сара охладет к Джеку или что-нибудь в этом роде. Ничуть не бывало. Она уже купила для него целых три открытки. Увидев открытку с надписью типа «Спасибо за то, что сделал меня счастливой!» или «Спасибо за упоительные мгновения!», она не может удержаться от покупки. Всякий раз, когда подруга показывает мне очередную открытку, сердце мое сжимается, превращаясь в подобие сушеной сливы.

К счастью, они собираются в итальянский ресторан. Пока они будут поедать отбивные в форме сердец и слизывать шоколадный мусс с губ друг друга, я смогу без помех предаться печали в пустой гостиной. По примеру Бриджит Джонс, буду валяться на диване, лакать вино и обжираться мороженым.

– Лу, у тебя найдется секунда?

Закрываю ноутбук – я как раз отправила очередное резюме в очередной журнал, – снимаю очки, которые мне на самом деле не нужны, но помогают сконцентрироваться на экране компьютера, и иду в комнату Сары с кружкой кофе в руках.

– Что случилось?

Она стоит посреди комнаты, руки в боки, на ней только джинсы и лифчик.

– Никак не могу решить, что надеть.

Сара выхватывает из шкафа красную шифоновую блузку, которую купила для рождественского обеда у родителей. Вещь красивая и достаточно целомудренная. Конечно, если не носить ее с ультракороткой юбкой. Но, судя по тому, что на кровати валяется именно такая юбка, выглядеть целомудренно

Сара не намерена.

– Так пойдет? – (Я киваю, так как не сомневаюсь, в этом наряде Сара будет неотразима.) – А может, лучше это?

Сара извлекает из шкафа маленькое черное платье и прикладывает к себе.

Я перевожу взгляд с платья на блузку:

– Мне нравится и то и другое.

– Мне тоже, – вздыхает Сара. – Но что больше понравится святому Валентину, вот в чем вопрос?

– Джек уже видел тебя в красном?

– Нет пока, – качает головой Сара.

– Тогда выбирай блузку. Губы, покрашенные ярко-красной помадой, – неоспоримое свидетельство того, что ты влюблена.

Приняв судьбоносное решение, Сара возвращает платье в шкаф.

– Ты уверена, что не заскучаешь одна? – спрашивает она.

Я округляю глаза и делаю слишком большой глоток горячего кофе.

– Конечно заскучаю. Возьмите меня с собой! В день всех влюбленных наша троица будет выглядеть на редкость уместно.

– Джеку эта идея наверняка пришлась бы по душе! – хохочет Сара. – Приятно заявиться в ресторан с небольшим гаремом.

– Ох, прости, вспомнила, что сегодня у меня другие планы. Двойное свидание с Беном и Джерри. Оба – горячие парни. Для того чтобы их малость остудить, нужны целые горы мороженого. Так что мы намерены съесть «Карамель Сутру»

в огромных количествах.

Я прекрасно знаю, что «Карамель Сутра» – любимое мороженое Сары.

– Как я тебе завидую! – восклицает она и принимается расплетать волосы, чтобы их вымыть.

Я тоже тебе завидую, про себя вздыхаю я, понуро бреду в свою комнату и вновь открываю ноутбук.

Дебилы, которые составляют программу телепередач, заслуживают пулю в лоб. Или даже более мучительную смерть. Кажется, нетрудно сообразить, что люди, вынужденные в День святого Валентина смотреть телевизор, одиноки и настроение у них довольно кислое. Спрашивается, какого черта они решили, что «Дневник памяти» – это фильм, который подходит подобным зрителям лучше всего. Сентиментальная история, где все влюблены и плачут так много, что их впору выкручивать и вешать на просушку. Райан Гослинг, романтические пейзажи и даже лебеди, черт их подери! Смотреть этот фильм – значит посыпать солью собственные раны, но сегодня я ощущаю некоторую склонность к мазохизму. Слава богу, у телевизионщиков хватило ума включить в программу «Воздушную тюрьму»! Думаю, крутой парень Николас Кейдж поможет мне восстановить душевное равновесие.

«Дневник памяти» просмотрен примерно на две трети, упаковка мороженого съедена наполовину, в бутылке еще примерно четверть шардоне. Неожиданно я слышу, как в замке поворачивается ключ. Неужели это Сара? Сейчас всего половина десятого. Я рассчитывала, что она вернется за полночь. Но похоже, сценарий моей одинокой вечеринки придется изменить.

Я сижу на диване, поджав под себя ноги, и выжидающе смотрю на дверь. Неужели они поссорились и она оставила его поедать тирамису в одиночестве?

подавив преступную надежду, я кричу:

– Привет, Сара! Ты как раз вовремя. В бутылке осталось еще немного вина.

Сара, покачиваясь, появляется в дверях. Она не одна. Одинокая вечеринка превращается в сборище тройственного союза. С содроганием я сознаю, что наряд мой состоит из черных спортивных штанов и светло-зеленой футболки. Интересно, зачем я вырядилась так, словно собиралась заниматься йогой. Впрочем, могло быть и хуже. Я могла натянуть фланелевую пижаму в клеточку, которую подарила мне мама. Вот это был бы полный отстой!

– Что-то вы рано, – говорю я и потягиваюсь, стараясь выглядеть безмятежной, как истинный йог.

– Шпанскоблоблатно, – нечленораздельно бормочет Сара.

Я догадываюсь, она хочет сообщить, что в ресторане шампанское было бесплатно. Она хохочет и виснет на Джеке. Если бы он не обнимал ее за талию, она рухнула бы на пол.

– Мы немного перебрали, – сообщает Джек.

Впрочем, его ироническая улыбка говорит о том, что перебрала исключительно Сара, а он трезв как стеклышко. Взгляды наши встречаются на несколько мгновений.

– Устала чертовски! – хлопая глазами, мямлит Сара.

Одна из ее накладных ресниц отклеилась и чернеет на щеке. Обычно подобные неприятности случаются со мной. В прошлом месяце я дважды пробовала наклеить ресницы и оба раза потерпела фиаско. Сара хохотала до упаду и говорила, что я похожа на трансвестита.

– Да, детка, тебе надо отдохнуть! – смеется Джек и целует Сару в лоб. – Идем, уложу тебя в кроватку.

– В кроватку? – Сара делает вид, что шокирована. – Но мы еще не женаты, Джек О’Мара. За кого ты меня принимаешь?

– За девчонку, которая напилась в стельку, – говорит он и подхватывает резко качнувшуюся Сару.

– Ах ты грубиян! – кричит Сара.

Джек хватает ее под коленки и поднимает в воздух. Против этого она не возражает. Черт! Смотри и учись, Райан Гослинг. Этому парню не надо ходить по воде, чтобы растопить сердце женщины.

Уточняю. Речь идет о сердце Сары, а не о моем.

– Она уснула.

Я слегка вздрагиваю, когда в гостиную входит Джек. К этому времени Райан Гослинг успевает покорить свою девушку и уплыть на лодке в сторону заката. Его место на экране занимает Николас Кейдж, отважный, решительный, надежный. Джек смотрит на экран, и лицо его светлеет.

– По-моему, это самый лучший боевик на свете.

Не спорю. Я тоже обожаю «Воздушную тюрьму». Обычно смотрю его, когда мне бывает совсем паршиво. Мысль о том, что Кэмерону По было еще хуже, но он вышел из всех передряг, подпитывает мой оптимизм. Подумать только, человек совершил аварийную посадку в самолете, битком набитом убийцами и насильниками. В сравнении с этим все мои неприятности меркнут.

– Нам всем нужны герои, – многозначительно изрекаю я.

Вместо того чтобы сесть в кресло, Джек устраивается на другом конце дивана, и это приводит меня в смятение.

– Очень женское изречение, – усмехается он, округляя свои золотисто-зеленые глаза.

– А я вообще мастер по части изречений, – парирую я. – Да будет тебе известно, я занимаюсь сочинением стихов для поздравительных открыток. Стяжала на этом поприще громкую славу.

– Уверен, твое творчество пользуется огромным спросом. Прочти какой-нибудь стишок, – просит он.

Я заливисто хохочу, уткнувшись носом в стакан. Похоже, благодаря вину у меня отказали тормоза.

– Могу сочинить стихи экспромтом. Только скажи, по какому поводу.

Джек погружается в задумчивость. Надеюсь, он выберет что-нибудь менее банальное, чем День святого Валентина.

– Можешь выразить в стихах соболезнование по поводу смерти собаки?

– Легко! – Я устремляю взор к потолку и щелкаю пальцами в поисках рифмы. – Собака играла, резвилась, визжала, собака ничуть умирать не желала! Но видимо, время собаке пришло, собачья душа отделилась от тела! – На несколько мгновений я замолкаю, ошарашенная собственным поэтическим даром, проснувшись так внезапно. – Повергла в печаль нас собаки кончина, но в памяти нашей жива эта псина! – с пафосом завершаю я, и мы оба покатываемся со смеху.

– Здорово! – говорит он. – Под такие замечательные стихи неплохо бы выпить пива.

Меня пронзает укол стыда. Ничего не скажешь, хороша гостеприимная хозяйка. Правда, Джек застал меня врасплох. Я думала, он останется в спальне Сары до утра, и уплетала мороженое со спокойной совестью.

– В холодильнике есть пиво. Сходи принеси, если хочешь.

Джек выходит из комнаты, я провожаю его глазами. В темных джинсах и синей рубашке он выглядит особенно худым и длинноногим. Для праздничного ужина с Сарой он явно принарядился. Через несколько минут он возвращается с бутылкой пива и ложкой в руках.

– Мы ушли из ресторана, так и не заказав десерт, – сообщает Джек и с надеждой смотрит на ведро с мороженым.

Надеюсь, его не слишком шокирует тот факт, что я опустошила это ведро на две трети.

– Какой сорт? – спрашивает Джек.

– «Карамель Сутра», – сообщаю я, неохотно протягивая ему ведро. Ну что мне стоило сказать просто «карамель»?

– Вот как? Его что, нужно есть, закинув ноги за голову? – прикалывается Джек.

Если бы я собиралась с ним флиртовать, то предложила бы ему принять позу «собака мордой вниз» или что-нибудь в этом роде. Но я не собираюсь с ним флиртовать, поэтому опускаю глаза и говорю тоном старой зануды:

– Только если ты считаешь, что подобная поза усиливает вкусовые ощущения.

– Наверняка усиливает, – ухмыляется он. – Но я боюсь порвать джинсы.

– Значит, лучше воздержаться. – Я устремляю взгляд на экран. – Мой любимый эпизод.

Мы в молчании смотрим, как Ник Кейдж мужественно защищает девушку-охранника, расправляясь с подонками, которыми до отказа набит самолет. Джек уплетает мороженое, я смакую остатки вина. Чувствую себя расслабленной, но отнюдь не пьяной в стельку. Пониженная чувствительность к алкоголю – одно из следствий студенческой жизни, которое позволяет нам с Сарой сохранять вменяемость после самых бурных возлияний. Правда, иногда бывают исключения.

– Сколько же вам дали бесплатного шампанского, что Сара уже на ногах не держалась? – спрашиваю я.

– Я не фанат этого шипучего пойла, так что она выпила и мою порцию, – отвечает Джек. – Пришла мне на выручку. Нас так настойчиво угощали, что отказаться было неудобно.

– Да, Сара – добрая девочка и всегда готова прийти на помощь, – смеюсь я.

– Боюсь, за свою доброту она завтра расплатится головной болью.

Я киваю, и между нами снова повисает молчание. Судорожно придумываю, что бы сказать. Если молчание будет длиться слишком долго, я могу не сдержаться и спросить его, помнит ли он нашу встречу на автобусной остановке. Очень надеюсь, что постоянная борьба с желанием задать сей бестактный вопрос рано или поздно закончится. Это будет означать, что я избавилась от наваждения и мое сердце вновь свободно.

– Ты... ты очень нравишься Саре, – выдыхаю я.

Джек делает большой глоток пива.

– Мне она тоже нравится. Очень. – Он искоса бросает на меня взгляд. – Ты хочешь предупредить меня, чтобы я никогда ее не обижал? В противном случае ты выцарапаешь мне глаза или что-нибудь в этом роде?

– Если ты думаешь, что я на это не способна, то ошибаешься, – говорю я и делаю каратистский выпад, бравируя собственной отвязностью.

Но на душе у меня скребут кошки. Моя главная проблема в том, что мне нравятся они оба. А эта проблема порождает множество других проблем.

Разумеется, я намерена сохранить лояльность по отношению к Саре. Порой мне кажется, я четко знаю, где проходит линия, которую я не должна переступить. Но иногда эта линия, проведенная прутиком на песке, как на школьной спортивной площадке, стирается и становится незаметной. Вот, например, сегодня она явно стерлась, и завтра мне придется чертить ее заново. Как знать, возможно, линия окажется несколько сдвинутой – в ту или другую сторону.

– Кто бы мог подумать, что в тебе скрывается каратист-ниндзя, – замечает Джек.

– Теперь ты в курсе, – киваю я.

– Но вряд ли тебе придется отрабатывать на мне свои приемы, – усмехается он. – У меня нет ни малейшего желания обижать Сару. И я постараюсь никогда этого не делать.

Я снова киваю. Саре повезло, что он такой добрый и чуткий. Мне не повезло, что он не со мной. Господи, и зачем только в этом сумасшедшем мире случаются подобные истории!

– Хорошо, что мы с тобой понимаем друг друга.

– Реплика, достойная главаря крутой мафии. – Джек ставит пустую бутылку на журнальный столик. – Мафии ниндзя. Теперь я буду знать, Лори, что ты опасная женщина и с тобой надо быть настороже.

Да, я очень опасна, особенно когда влюблена и вылакала бутылку вина в одиночестве, вздыхаю я про себя. Пожалуй, мне лучше идти спать. Иначе я окончательно затопчу линию, проведенную на песке.

Джек

Теперь я буду знать, Лори, что ты опасная женщина и с тобой надо быть настороже.

Какого хрена я сморозил подобную ерунду?! Так говорят только герои отстойных телесериалов. А ведь я хотел сказать совсем другое. Что-то типа «давай будем друзьями». Похоже, вместо головы у меня задница. Еще один пример школьного остроумия, вряд ли достойный журналиста. Но что делать, видно, таков он, мой удел, – строить из себя дурака. Кстати, в школе я занимался этим с упорством, достойным лучшего применения. Учителя так и писали в характеристиках: «Если бы Джек отдавал учебе энергию, которую он тратит на глупые выходки, то сумел бы многого добиться».

Льщу себя надеждой, что моей энергии хватало на все. По крайней мере, школу я окончил с хорошими оценками и смог поступить в университет. Надо признать, мне повезло в том смысле, что память у меня почти фотографическая. Достаточно пробежать глазами страницу учебника – и можно идти на экзамен. К тому же у меня, как говорится, язык без костей. Правда, когда я оказываюсь в обществе Лори, в нем сразу появляются кости.

– Итак, Лори, теперь я знаю: если я обижу твою лучшую подругу, ты от меня мокрого места не оставишь. Что еще я должен знать о тебе?

Вопрос, похоже, застал ее врасплох. И неудивительно. Подобные идиотские вопросы я задавал только на вечеринке «быстрых свиданий». Кстати, на такую вечеринку меня занесло единственный раз в жизни, и это была жесть.

– Ммм... – мямлит Лори. – Знаешь, сказать особенно нечего.

Вид у нее смущенный, словно она на собеседовании у потенциального работодателя.

– Давай, Лори, постарайся ничего не утаивать. – Я буравлю ее нарочито пронзительным взглядом. – Сара хочет, чтобы мы с тобой стали закадычными друзьями. А у друзей нет друг от друга тайн. Расскажи три самых шокирующих случая из своей жизни, и я отплачу тебе тем же.

Она прищуривается, подбородок ее слегка дрожит.

– Нет, давай так: один случай я, один случай ты.

– Идет. Но ты первая.

Внушаю себе, что затеял этот разговор по одной-единственной причине: Сара хочет, чтобы мы с Лори подружились. Но, честно говоря, дело не в этом. Точнее, не только в этом. Я хочу узнать о ней побольше потому, что она меня волнует, и еще потому, что мне нравится сидеть на диване рядом с ней. Может, все дело в том, что мы оба немало выпили. Но мне кажется, мы и в самом деле можем стать друзьями. А разве платоническая дружба между парнем и девушкой невозможна? Знаю, многие люди считают это полной чушью. Но попробовать никогда не мешает.

Так или иначе, я намерен завоевать доверие Лори и подружиться с ней. Таковы мои далекоидущие планы, леди и джентльмены.

Лори в задумчивости барабанит пальцами по стакану. Предвкушая ее рассказ, я умираю от любопытства. Она допивает последние капли вина, поднимает глаза

и смеется:

– Так и быть. Я первая. Мне было тогда лет четырнадцать, может, пятнадцать... – Лори умолкает, качает головой и проводит рукой по щеке, вспыхнувшей румянцем. – Вот уж не думала, что расскажу тебе об этом... – Она нервно хихикает и опускает ресницы, так что я не могу смотреть ей в глаза.

– Давай, Лори. Ты обещала, – канючу я.

Она глубоко вдыхает, словно собираясь прыгать в холодную воду:

– Мы с Эланою, моей лучшей подругой, пошли на школьную дискотеку. Строили из себя крутых девчонок. У нас даже была с собой пачка сигарет, хотя никто из нас не курил. – (Я киваю, ожидая продолжения.) – Был в нашей школе один парень, который мне страшно нравился. Половина девчонок в школе по нему вздыхала, но, как ни странно, ему, похоже, нравилась я.

Мне хочется сказать, что в этом нет ровным счетом ничего странного, но я молчу.

– Дискотека уже подходила к концу, когда он наконец пригласил меня танцевать, и я, напустив на себя равнодушный вид, приняла его приглашение. Все шло отлично до того момента, когда он резко опустил голову, а я столь же резко подняла. В общем, я ударила его башкой по лицу и сломала нос. Кровищи было, ужас! – Лори делает страшные глаза и фыркает со смеху. – Пришлось вызывать «скорую»!

– Вижу, свидания с тобой – это серьезное испытание для мужчины, Лори.

– До свиданий дело не дошло, – возражает она. – Я очень хотела с ним встречаться, но после этого случая он шарахался от меня, как от зачумленной. Его можно понять. – Она стучит себе по черепу костяшками пальцев. – Крепкий, как железо.

– Итак, передо мной главарь мафии ниндзя с исключительно крепким черепом. Понимаю, почему Сара в таком восторге от тебя.

– Думаю, рядом со мной она чувствует себя в безопасности, – говорит Лори, и я не могу понять, прикалывается она или нет.

– Кто бы в этом сомневался! Тебе стоит подумать о том, чтобы открыть охранное агентство.

Лори ставит стакан на стол, усаживается, поджав под себя скрещенные ноги, убирает прядь волос за ухо и пристально смотрит на меня. Когда я был маленький, мы всей семьей каждый год ездили в Корнуэлл. Мама покупала там крошечные статуэтки фей и эльфов, как правило восседавших на поганках или столь же изысканных предметах. Сейчас Лори, сидящая в безупречной позе лотоса, напоминает мне об этих феях. Внезапно я ощущаю приступ тоски по детству, короткий и острый. Чувство такое, будто мы с Лори знакомы давным-давно, хотя это не так.

– Теперь твоя очередь рассказывать, – улыбается Лори.

– Боюсь, у меня нет в запасе столь же шокирующей истории, – говорю я. – Никогда не отрабатывал на женщинах удар головой.

– Поразительно. Что же ты за человек такой?

Она делает вид, что страшно разочарована. И хотя мы оба валяем дурака, ее вопрос я воспринимаю серьезно.

– Что я за человек? Надеюсь, не слишком паршивый!

– Я тоже на это надеюсь! – смеется она.

Ясное дело, Лори не хочет, чтобы ее драгоценная подруга связалась с отвратным типом.

– Кажется, вспомнил кое-что подходящее! – резко меняю я тему. – Если не возражаешь, расскажу тебе о своем шестом дне рождения. Представь себе малолетнего пацана, который, оказавшись в бассейне с шариками, так перепугался, что его папе пришлось бросаться к нему на выручку. Я провалился в эти чертовы шарики на три фута и орал так громко, что меня вырвало. Потом

весь бассейн пришлось мыть.

Рассказывая, я припоминаю этот жуткий эпизод во всех подробностях.

Удивленные взгляды детей, которых привели на мой день рождения. Grimасы, застывшие на лицах их родителей. Нарядное платье какой-то девчонки, которое я заблевал шоколадным кремом.

– Как ты понимаешь, после этого случая никто из одноклассников долго не хотел приглашать меня на свой день рождения.

– Какая печальная история, – произносит Лори, однако в голосе ее не слышится ни малейшей издевки.

– Ну, я же мужчина, – пожимаю я плечами. – Сумел это пережить. Видно, я сделан из крепкого материала.

Лори снова стучит по своей голове костяшками пальцев:

– Как и я. Хотя я женщина.

– Железная женщина, – киваю я.

– Именно так.

Некоторое время мы молчим, переваривая то, что узнали друг о друге. Теперь я знаю, что она бывает застенчива с парнями и от застенчивости становится неуклюжей. А она знает, что я способен впасть в панику и от страха заблевать все вокруг. Лори берет у меня из рук ложку и пустое ведро из-под мороженого и наклоняется, чтобы поставить все это на кофейный столик. Я делаю над собой усилие, чтобы отвести взгляд, но мужское мое естество оказывается сильнее. Я пожираю глазами ее грудь, обрисовавшуюся под футболкой, небольшую ложбинку в начале спины. И зачем только женщинам все эти причиндалы? Из-за них мы, мужчины, просто дуреем. Я хочу, чтобы между мной и Лори завязалась платоническая дружба, а при этом плясую на нее, мысленно нанося ее рельеф на карту. И не исключено, ночью, во сне, я воспользуюсь этой картой и совершу обзорную экскурсию по ее... так сказать, достопримечательностям. Потом, проснувшись, стану вновь убеждать себя, что мы всего лишь друзья. Но когда я

сплю, мое сознание неподвластно решениям моего разума.

Честно говоря, Лори снилась мне уже много раз. Во сне я вдоволь налюбовался ее сливочной кожей и голубыми, как незабудки, глазами. Идиотское сравнение, но что я могу поделать, если это так. Глаза у Лори в точности такого цвета, как чертовы незабудки, которые летом растут на краю поля. Теперь я будут видеть во сне эту крошечную ложбинку на ее спине. И пухлую нижнюю губу, которую Лори, задумавшись, слегка прикусывает. А еще веселые искорки, что пляшут в ее глазах, когда она выпьет. В общем, моя хваленая фотографическая память схватывает не только тексты из учебников. Разумеется, Лори не единственная женщина, которую я вижу во сне. Но должен признать, в последнее время она является мне чаще, чем остальные. Только не подумайте, что я какой-нибудь маньяк и на уме у меня одни женские сиськи. И вообще, хватит об этом, иначе у меня крыша поедет.

– Я так понимаю, сейчас моя очередь, – говорит Лори.

Я киваю, радуясь тому, что она прервала поток моих мыслей, который движется в сторону сексуальной озабоченности.

– Неужели у тебя есть в запасе еще более страшная история, чем первая?

– Боюсь, что нет, – качает головой Лори. – Удар головой мне надо было приберечь под конец. – Она задумчиво прикусывает губу.

Я пытаюсь прийти ей на помощь и подсказываю:

– Может, тебе случилось в ветреный день выйти на улицу без трусов, но в широкой юбке? – (Лори усмехается и качает головой.) – Или отравить кого-нибудь своей стряпней? А может, ты когда-нибудь целовалась с парнем своей сестры?

Взгляд ее устремляется в пространство, в нем светится печаль или какое-то другое чувство, которое я не могу идентифицировать. Черт! Кажется, я ляпнул что-то не то. Лори начинает усиленно мигать, словно пытаюсь прогнать слезы.

– Господи боже! – бормочет она и яростно трет глаза тыльной стороной ладони. – Прости, пожалуйста.

– Это ты прости, – лепечу я, совершенно не понимая, чем вызвал подобную реакцию. Мне хочется взять ее за руку, погладить по коленке, как-то утешить, успокоить, но я не двигаюсь с места.

– Ты тут ни при чем, – качает она головой.

Жду, когда она немного успокоится, и спрашиваю:

– Хочешь поговорить об этом?

Лори опускает взгляд и тихонько пощипывает собственную ладонь, как видно, пытаюсь физической болью заглушить боль душевную. Мой брат Элби – настоящая заноза в заднице – для этой цели носит на запястье резинку, которой в критические моменты хлопает себя по руке.

– Моя младшая сестра умерла, когда ей было шесть лет, – произносит Лори. – Мне тогда едва исполнилось восемь.

Блин! Мой братец, слава богу, жив! Он моложе меня на четыре года, и, как я уже сказал, второй такой занозы в заднице днем с огнем не сыскать. Но все равно я люблю этого паршивца и не могу себе представить, как жил бы без него.

– Господи боже, Лори, прости!

По щекам ее вновь струятся слезы. Но я уже вышел из ступора и вытираю их большим пальцем руки. Лори начинает всхлипывать, а я глажу ее по волосам и бормочу что-то нечленораздельное, словно мамочка, успокаивающая малыша.

– Сама не знаю, что это я так расхныкалась, – говорит она через пару минут и прижимает к щекам ладони. – Я давным-давно не плакала из-за этого. Наверное, выпила слишком много. – (Я молча киваю, проклиная себя за бестактность.) – Когда люди спрашивают, есть ли у меня братья и сестры, я обычно отвечаю – только брат. И чувствую себя виноватой за то, что не упоминаю о ней. Но так намного проще.

Лори уже не плачет, лишь изредка тяжело вздыхает.

Понятия не имею, что надо говорить в подобных ситуациях. Но сказать хоть что-то необходимо, иначе она сочтет меня бесчувственным чурбаном. Пытаюсь представить, что она сейчас испытывает.

– А как звали твою сестру?

Лицо Лори смягчается. Я чувствую, как ее боль проходит сквозь меня. Острая боль, горькая и сладкая одновременно. Тоска о том, что утрачено давным-давно. Она вздыхает, откидывается на спинку дивана и обхватывает руками свои поднятые колени. Когда она начинает говорить, голос ее звучит иначе, тише, размереннее. Она словно произносит заранее приготовленную речь на похоронах любимого человека.

– У Джинни был врожденный порок сердца. Но она была очень жизнерадостной девочкой, умненькой, веселой. Мы с ней были лучшими подругами. Никогда не расставались. – Лори крепче обнимает собственные колени, сознавая: то, что она скажет сейчас, доставит ей боль. – Потом она заболела воспалением легких. Только что была здесь – и вдруг исчезла... Наверное, никто из нас так никогда и не смирился с этой утратой. Мои бедные мама и папа... – Лори умолкает, словно не находя подходящих слов.

Да и что тут скажешь? Родители не должны хоронить своих детей. Руку она больше не щиплет. Наверное, на свете не существует физической боли, которая помогла бы забыть о таком.

На экране телевизора Ник Кейдж рассекает по шоссе на мотоцикле, играя накачанными мускулами. Здесь, на диване в крошечной гостиной, я обнимаю Лори за плечи и прижимаю к себе. Она закрывает глаза, опустив голову мне на плечо, тело ее сотрясается от судорожных вздохов. В какой-то момент она засыпает. Это хорошо, сейчас ей нужно забыться. Я не двигаюсь, хотя, наверное, мне следует подняться и идти спать. Но я сижу на диване в компании спящей Лори и ощущаю на своем плече тяжесть ее головы. При этом я чувствую... Трудно сказать, что именно я чувствую. Пожалуй, точнее всего подходит слово «умиротворение».

Но я не прижимаюсь лицом к ее волосам, хотя мне очень этого хочется.

15 февраля

Лори

Проснувшись, я чувствую, что должна вспомнить нечто важное. Но мозг мой словно завернут в оберточную бумагу. Не надо было вчера напиваться, с укоризной думаю я. Открываю глаза, и тут выясняется, что я лежу не в своей постели, а на диване в гостиной. Правда, я накрыта своим одеялом, и под головой у меня подушка. Скашиваю глаза и смотрю на часы. Всего-навсего шесть часов утра. Растягиваюсь на спине и закрываю глаза, пытаюсь собрать воедино картину вчерашнего вечера, которая всплывает в памяти по кусочкам.

Мороженое. Вино. Райан Гослинг плывет в лодке. Лебеди. Да, лебеди были точно. И, господи, кажется, Сара напилась в стельку! Надо посмотреть, как она там. Хорошо еще, что Джек притащил ее домой. Джек... О черт! Джек!

Мозг мой начинает работать в режиме тревоги. Кажется, я наговорила, чего не следовало. Кажется, вела себя вовсе не так, как следует хорошей подруге. Сара имеет полное право меня ненавидеть. И так, мы с Джеком болтали, смеялись, смотрели кино, а потом... Ох! Наконец я вспоминаю все. Джинни... Залезаю под одеяло с головой, закрываю глаза и позволяю себе нарисовать в воображении свою милую, чудную сестренку. Тоненькие пальчики, почти прозрачные ноготки, голубые глаза, в точности такие, как мои собственные. Таких больше нет ни у кого на свете. Я напрягаю память, чтобы услышать ее звонкий голос, ее радостный смех, увидеть, как сверкали на солнце ее белокурые волосы. Разрозненные воспоминания, выцветшие, как старые фотографии. Я не позволяю себе часто вспоминать о Джинни – потом бывает трудно примириться с тем, что ее больше нет. Чувствуешь злобу на людей, которые живут как ни в чем не бывало. А она умерла.

Картина вчерашнего вечера становится более отчетливой. Нет, я не позволила себе с Джеком ничего из ряда вон выходящего. Ничем себя не скомпрометировала, по крайней мере, не сделала ничего такого, что принято считать компрометирующим. Не демонстрировала ему сиськи и не говорила о своей любви. И все-таки не могу сказать, что вела себя безупречно. Я все же

перешла за линию, тонкую, невидимую линию, которую сама провела между нами. И теперь эта линия, словно рыболовная леска, опутала мои ноги, так что я, того и гляди, упаду. Да, я подошла к нему слишком близко. Причина – бутылка дешевого вина, которую я вылакала в одиночестве. Вино смыло защитную стену, которую я так тщательно возвела, в точности так, как морская волна смывает построенную из песка крепость.

5 июня

Лори

– С днем рождения, старушка! – кричит Сара и дудит в игрушечную дудочку.

Когда я открываю глаза и приподнимаюсь на локте, она с воодушевлением исполняет «Happy Birthday to You».

– Спасибо! – говорю я и разражаюсь аплодисментами. – А теперь, если ты не возражаешь, можно мне еще немного поспать? Сейчас всего восемь часов утра, и сегодня суббота.

– Шутишь? – хмурится Сара. – Неужели ты собираешься проспать лучшие часы собственного дня рождения?

Реплика, достойная персонажа диснеевских мультфильмов, которые Сара, кстати, обожает.

– Да что я тебе, американский подросток из какого-нибудь дрянного сериала, чтобы вставать спозаранку в предвкушении праздничка? – ворчу я.

– Хватит стонать! – приказывает Сара. – Вылезай из кровати немедленно! У меня грандиозные планы на тебя.

– У меня тоже есть неплохой план. – Я падаю на подушку. – Продрыхнуть до полудня.

– Этот план ты исполнишь завтра. – Сара указывает на кружку, стоящую на ночном столике. – Я приготовила тебе кофе. У тебя есть десять минут на то, чтобы полностью проснуться. По истечении этого срока я приступаю к решительным и жестким мерам.

– Что это ты так раскомандовалась? – ворчу я, закрывая глаза рукой. – К твоему сведению, мне теперь двадцать три года, а тебе всего-навсего двадцать два. Я могла бы быть твоей матерью. Иди лучше наведи порядок в своей комнате и займись уроками.

Сара дудит в свою дудочку, хохочет и уходит. Я прячу голову под подушку. Обожаю Сару!

Через девять минут тридцать секунд я выхожу в гостиную. Первое, что бросается в глаза, – два футляра, в которых перевозят одежду. Сара возбужденно скачет между ними. Тревога моя возрастает, когда я вижу на футлярах логотипы компании, дающей напрокат карнавальные костюмы.

– Эй, Сара, что это?

Похоже, Сара не шутила, когда говорила о своих грандиозных планах.

– Ты умрешь, когда увидишь! – Она подпрыгивает на месте, как школьница в предвкушении пикника.

Я опускаю кружку с кофе на столик:

– Можно взглянуть?

– Да. Но прежде обещай, что в течение нескольких часов будешь меня беспрекословно слушаться и не задавать глупых вопросов.

– Кажется, ты воображаешь себя агентом 007. Боюсь, вы с Джеком смотрите слишком много фильмов про Джеймса Бонда.

Сара протягивает мне один футляр, но, когда я хочу его взять, отводит мою руку в сторону:

– Прежде дай обещание.

– Ладно, будь по-твоему. Обещаю! – со смехом говорю я, умирая от любопытства.

Сара позволяет мне взять футляр и наблюдает за мной, переступая с ноги на ногу от нетерпения. Я держу футляр на расстоянии вытянутой руки, встряхиваю его, потом, слегка расстегнув застежку-молнию, заглядываю внутрь.

– Что-то розовое, – произношу я, и Сара кивает.

Я расстегиваю молнию полностью и извлекаю на свет карамельно-розовую куртку-бомбер и черные шелковые легинсы. Наряд более чем узнаваемый.

– Ты хочешь, чтобы в свой день рождения я превратилась в одну из «Леди в розовом»?!

Сара расплывается в довольной улыбке и вытаскивает из футляра второй наряд:

– Не только ты. Я тоже.

– Значит, мы обе будем изображать розовых леди, – медленно произношу я, не зная, как относиться к этой затее. – В общем, задумка неплохая, но весь вопрос в том, что мы будем делать, вырядившись подобным образом. Отправимся в паб, чтобы все таращились на нас, как на белых ворон?

– Ни в какой паб мы не пойдем! – Глаза Сары торжествующе сверкают.

– Могу я спросить, куда мы пойдем? Или этот вопрос относится к категории дурацких?

– Спросить ты, конечно, можешь, – хохочет Сара, – но ответа не получишь!

– Я знала, что ты скажешь именно это.

Сара натягивает розовую куртку.

– Ты ведь смотрела этот фильм? – спрашивает она.

Вот уж действительно дурацкий вопрос. Вряд ли на этой планете найдется человек, который не смотрел «Бриолин». Каждый Новый год его непременно показывают по телевизору, а в это время человек обычно утрачивает подвижность, и отползти от экрана ему не удастся. Так что волей-неволей приходится смотреть.

– Да, пару раз, – отвечаю я, задумчиво вертя в руках легинсы. – По-моему, они рассчитаны на талию куклы Барби. Надеюсь, они тянутся.

– Еще как! – кивает Сара. – Я их уже примеряла. Сегодня, в шесть утра.

Господи, сколько стараний она приложила, чтобы устроить мне необычный день рождения! Я ощущаю острый укол совести. Какое бы безумство ни задумала моя подруга, я просто обязана принять в этом участие.

– Ну что ж, вступаю в группировку «Леди в розовом»! – говорю я со смехом.

Сара смотрит на часы:

– Мы должны выйти в одиннадцать. Иди прими душ. Я уже приняла. Когда выйдешь, сделаю тебе соответствующий макияж.

Полдень. Наш поезд только что отошел от вокзала Ватерлоо. Надо признать, мы находимся под постоянным обстрелом удивленных взглядов. В этом нет ничего странного. В вагоне нет других членов группировки «Леди в розовом». Помимо нарядов, мы привлекаем внимание своими прическами и макияжем. Сара собрала волосы в высокий конский хвост, который, кажется, вот-вот оторвется от ее головы, копне моих кудряшек позавидовала бы Оливия Ньютон-Джон. Сара приготовила всё: жевательную резинку, которую мы жуем, черные шарфы, завязанные на наших шеях, солнечные очки в белой пластиковой оправе, и джин в жестяных банках, который должен привести нас в соответствующее настроение.

– Может, нам стоит придумать себе другие имена? – предлагаю я.

Сара находит это предложение дельным.

– И какое имя выберешь ты?

– Хм... Дай подумать... Это должно звучать пошловато, по-американски и в духе пятидесятых. Как насчет... Лула-Мей?

Сара задумчиво смотрит на меня:

– Неплохо. Ну, если тебя теперь зовут Лула-Мей, то я буду Сара-Бель.

– Рада познакомиться с тобой, Сара-Бель.

– Взаимно, Лула-Мей.

Мы грациозно склоняем головы, чокаемся жестяными банками и делаем по глотку джина «за знакомство».

– Может, теперь ты скажешь, куда мы едем?

– Доверься мне, крошка. Ты будешь довольна. – Сара пытается говорить с американским акцентом.

– Ты говоришь, как Джон Уэйн, а не как Сара-Бель, – смеюсь я. – Того и гляди, я в тебя влюблюсь.

Сара опускает пустые банки из-под джина в мусорные контейнеры.

– Дело в том, что во мне слишком много сексуальной энергии, – объясняет она. – И эта энергия неудержимо рвется наружу. – Сара бросает взгляд на светящуюся ленту над дверями вагона, которая сообщает, что мы подъезжаем к Барнсу. – Вставай. Нам выходить.

Первое, что я замечаю, выйдя из здания станции: мы здесь не единственные персонажи «Бриолина». Платья в стиле свинг и костюмы в стиле тедди-бой, сумки шоппер, и многочисленные розовые куртки говорят о том, что здесь собралась целая банда «Леди в розовом».

– Сара!

Я слышу голос Джека, и сердце мое подпрыгивает. В последнее время я шла на всяческие хитрости, чтобы проводить с ним и Сарой как можно меньше времени. К счастью, оба работают целыми днями, а вечер с удовольствием проводят в обществе друг друга и в «третьем лишнем» не нуждаются. Замечаю, что стала думать о Джеке меньше, чем прежде. Как видно, разум все же в состоянии контролировать чувства. Хотя бы до определенной степени.

Вижу, что рядом с Джеком стоит Билли, его друг, с которым я несколько раз встречалась на вечеринках. Господи, надеюсь, его пригласили не для меня! Парни подходят к нам и смущенно ухмыляются, пока мы разглядываем их брюки-дудочки и облегающие черные футболки. Высоко закатанные рукава выставляют на всеобщее обозрение бицепсы, а на их челки явно ушло огромное количество геля для волос.

Куда бы мы ни отправимся сейчас, мы составляем две пары. Этого я не ожидала. Честно говоря, нам с Сарой было так хорошо вдвоем, что увеличивать нашу компанию у меня нет ни малейшего желания.

– Мы отлично дополняем друг друга! – смеется Сара и целует Джека, перепачкав ему губы помадой.

В зеркальных авиационных очках, закрывающих глаза, Джек больше похож на Джеймса Дина, чем на Джона Траволту.

– Билли, ты выглядишь... круто! – считаю нужным сказать я.

Тот довольно играет мускулами. Кстати, выглядит он как человек, который каждый день два часа проводит в тренажерном зале. У меня такие качки вызывают невольный восторг и презрение одновременно.

– Да, Попай не идет со мной ни в какое сравнение! – Билли вытаскивает изо рта чупа-чупс, который сосал для пущего эффекта, наклоняется и целует меня в щеку.

– С днем рождения!

Я замечаю любопытный взгляд Сары и сердито округляю глаза. И с чего это ей вздумалось сводить меня с парнем явно не моего типа. Да и я не в его вкусе. Наверняка ему нравятся белые и пушистые девушки, то есть блондинки с умеренной степенью идиотизма. Хотела бы я знать, что ему наобещал Джек.

– Ну что, леди, идем? – Джек выгибает локоть, Сара берет его под руку.

После некоторого колебания мы с Билли проделываем то же самое.

– Лори понятия не имеет, что нам предстоит! – улыбается Сара. – Смотрите, не проговоритесь!

– Кажется, я начинаю догадываться! – смеюсь я.

– Ни о чем ты не догадываешься! – блеснув глазами, возражает Сара. – Но скоро все увидишь сама.

Глазам своим не верю.

– Что все это значит? – спрашиваю я.

Мы стоим в длинной зигзагообразной очереди, состоящей из людей в костюмах героев «Бриолина». Все они возбуждены, болтают и смеются. Из громкоговорителей доносится голос, запрещающий нам бегать по коридорам и заниматься в очереди жестким петтингом. Что-то вроде школьного радио. Мы входим в арку, украшенную плакатом «Добро пожаловать в школу Райделл-Хай!» и подсвеченную старомодными красными лампочками.

– Тебе нравится?

Сара выпускает руку Джека и хватает мою. Затаив дыхание, она ожидает, какой вердикт я вынесу относительно этого грандиозного сюрприза.

– «Нравится» – это не то слово, – улыбаюсь я, потрясенная масштабом события. – Не представляю, что сейчас будет, но знаю точно: я от этого в диком восторге.

Барнс-Коммон, куда люди приезжают гулять с собаками и играть в крикет, превратился в волшебную страну, где ожила Америка пятидесятих годов. Куда ни глянь, встречаешь американский китч. Под шатровым навесом стоят столики, между ними разъезжают на роликах официанты, подающие кока-колу, по краям поля сверкают серебром маленькие вагончики американских кафе. Люди сидят на пледах, расстеленных на земле, девушки в платьях с оборками и солнцезащитных очках греются на солнышке и сосредоточенно жуют резинку, выдувая огромные пузыри. Музыка звучит повсюду, маленький оркестр наяривает рок-н-роллы 1950-х годов, и несколько пар энергично отплясывают на деревянном танцполе под навесом, из бесчисленных репродукторов доносится саундтрек «Бриолина». Замечаю даже импровизированный салон красоты, где девушки в облегающих розовых комбинезонах и париках красят всем желающим ногти и подводят глаза. Люди толпятся и возбужденно кричат вокруг автодрома, где сталкиваются ярко-красные машинки, на фоне голубого неба сверкает огромное колесо обозрения, его розовые и белые сиденья слегка покачиваются на легком ветерке.

– Было бы неплохо прокатиться на этом колесе, – говорю я. – Если, конечно, у нас нет других планов.

Это самый невероятный сюрприз, какой я только получала в свой день рождения. Сердце мое хочет взлететь в небеса, как накачанный гелием воздушный шар.

Джек

Местечко совершенно офигительное. С фантазией у Сары, бесспорно, все в порядке. Большинство людей, поздравляя кого-нибудь с днем рождения, покупают торт или устраивают совместный поход в паб. А она не только разузнала об этой фантастической тусовке, но и уговорила нас с Билли вырядиться соответствующим образом и сопровождать их. Честно скажу, подобный подвиг я совершил бы далеко не для всякой девчонки. Когда Сара

завела об этом разговор, я долго ворчал и твердил, что не хочу участвовать в такой шизне. Вот уж не думал, что все будет так круто. Сара сказала, все это называется «Загадочный киносеанс». Я думал, все мы будем на открытом воздухе, в окружении киосков с гамбургерами смотреть на огромном экране кино. Вот и вся тебе загадка. Здесь действительно есть огромный экран, и, наверное, кино мы все-таки посмотрим. Но сами понимаете, это не главное. Чувство такое, словно мы оказались внутри фильма. И чертовски приятно, что с нами две самые классные розовые леди из всех, участвующих в этом представлении.

Сара... Господи боже! Она никогда ничего не делает наполовину. Она всегда выглядит сногшибательно, но сегодня превзошла саму себя. В этих черных легинсах ноги у нее как минимум вдвое длиннее, чем положено нормальному человеку. Рядом с ней у меня всегда такое чувство, словно она бежит впереди, а я должен ее догонять. Это держит в тонусе. Но в последнее время Сара развила такую скорость, что, того и гляди, скроется из виду. Пытаясь ее догнать, я, похоже, получу комплекс неполноценности.

Лори тоже выглядит потрясающе. Их совместная с Сарой фотография могла бы служить иллюстрацией к журнальной статье о том, как один и тот же наряд смотрится совершенно по-разному на разных девушках. Сара, на высоких каблуках, с пышным конским хвостом, выглядит самой популярной девчонкой в классе, а Лори, с ее кудряшками, производит впечатление умненькой скромницы. Если бы мы действительно были школьниками, я, пожалуй, побаивался бы такой красоты, как Сара, и держался бы от нее на расстоянии. А вот Лори... Было бы здорово, окажись она сестрой моего лучшего друга. Не представляю, к чему все эти глупые фантазии. В общем, девчонки совершенно не похожи друг на друга, только и всего.

– Планирую поцеловаться с виновницей торжества, – вполголоса сообщает Билли. – Там, на высоте, это будет особенно круто. – Он машет рукой в сторону колеса обозрения.

Я бросаю взгляд на Лори, испытывая острое желание защитить ее от посягательств этого типа. Билли – из тех парней, что кадрят всех девчонок ради спортивного интереса. Сам не знаю, зачем я пригласил его. Наверное, из всех моих друзей он единственный, кто согласился бы вырядиться в такой прикольный прикид. Исключительно потому, что тащится от себя в любом одеянии.

– Билл, ты же слышал объявление. Никакого жесткого петтинга. Соблюдай правила.

– Правила в школе существуют только для того, чтобы их нарушать, – подмигнув, говорит Билли.

Я не успеваю ничего ответить, потому что к нам подходит Сара.

– Что вы тут застряли? Идем быстрее на автодром.

Нет, зря я все-таки пригласил сегодня Билли. Этому качку удалось три раза позвонить в «колокол силача», из которого никто другой не смог извлечь даже подобия звука. Теперь он восседает в машинке с видом гонщика «Формулы 1» и, обняв Лори за плечи, совершает рискованные маневры.

Я тоже обнимаю Сару, делаю страшную гримасу и тараню их машинку задним ходом, так что она начинает кружиться на месте, испуская снопы электрических искр. Сара оглушительно визжит и хохочет, а Билли идет на лобовое столкновение, и наша машинка отлетает к сплетению проводов. Билли самодовольно поднимает большой палец.

Интересно, как поступил бы в подобной ситуации Джон Траволта? И кому все же сегодня досталась роль Сэнди Олссон? Сара для этой роли слишком самоуверенна и отвязна. Но я не хочу сказать, что для моего Дэнни самой лучшей Сэнди была бы Лори, и вообще, все это фигня. Я совершенно не похож на Дэнни. Билли, с его горой мускулов и психологией лидера банды, подходит для этой роли куда лучше.

Наблюдаю, как он помогает Лори вылезти из машинки и, сжимая ее руку, обнимает за талию. На фоне розовой куртки темные кудряшки Лори смотрятся чертовски эффектно. Надеюсь, она на него не западет.

Конечно, это ее дело. И все же надо признать, что этот парень звезд с неба не хватает. Он только пожрать мастер. Но может, ей именно такой и нужен.

Черт, вдруг он решит вернуться с нами в Лондон?! Ха! Как раз в тот момент, когда он нацелился на губы Лори, в кармане ее розовой куртки зазвонил мобильный. Неожиданная помеха, приятель.

Лори

Наверное, даже много лет спустя я буду вспоминать об этом дне с восторгом.

Я опьянела от сладких коктейлей, я смеялась так много, что у меня теперь болят щеки, а Билли оказался куда остроумнее, чем я предполагала. И вообще, вокруг царит настроение веселого карнавального безумия. Даже погода разделяет общее веселье, купая нас в мягком солнечном тепле английского летнего дня. В такие дни у меня на носу всегда появляются веснушки.

При свете солнца все было умопомрачительно, но теперь, когда сгущаются сумерки, становится еще круче. На сцене группа парней, затянутых в черную кожу, лихо танцуют на фоне роскошных импортных машин, то и дело перепрыгивая через капоты. Толпа приплясывает и поет в разноцветных отблесках прожекторов. Скоро девять, и все предвкушают начало показа.

Сара только сейчас выяснила, что у нее прирожденный талант к рок-н-роллу. Она и в самом деле хорошо танцует. Джек отказался стать ее партнером на мастер-классе, со смехом заявив, что у него две левые ноги. А вот Билли не стал ломаться.

И теперь мы с Джеком стоим у края танцпола, наблюдая за ними. Конский хвост Сары подпрыгивает туда-сюда, в воздухе вокруг нее, кажется, сверкают искры. Подбородок она держит высоко, как победительница. Билли, слава богу, не слишком вызывающе раскачивает бедрами. Может, дело в том, что я напилась, но сейчас он кажется мне намного симпатичнее, чем в начале дня. Когда мы стояли в очереди на автодром, он показал мне фотки своего маленького братика Робина. Его мама родила второго сына, когда ей перевалило за сорок, и никто не ожидал от нее подобного сюрприза. То обстоятельство, что он в столь зрелом возрасте из единственного чада превратился в старшего брата, ничуть не расстраивает Билли. Фотки были сделаны в день рождения Робина, и Билли с гордостью сообщил, что своими собственными руками испек торт, на котором малыш задувает свечи. Торт, надо признать, не слишком походит на кулинарный шедевр. Но все равно, слушая, как Билли рассказывает о своем братишке, любая

девушка поймет, что под жесткой мускулистой оболочкой скрывается нежная мякоть и из этого парня наверняка получится отличный папочка. Они с Сарой танцуют, а я смотрю в основном на их лица, а не на ноги. Первый тур они выиграли с легкостью. Всем остальным участникам победа явно не светит.

– Сара обожает танцевать, – говорю я, потягивая через полосатую соломинку лимонад. Пожалуй, коктейлей мне на сегодня достаточно.

– Надеюсь, они победят! – смеется Джек.

Понимаю, что он имеет в виду. Когда Сара счастлива, она делает счастливыми всех вокруг.

Мой телефон начинает вибрировать. Второй раз за день мама пытается до меня дозвониться. Я уже сказала ей, что весь день меня не будет дома. Но сейчас, когда мы с Дэрилом живем вдали от родителей, маме, конечно, приходится нелегко. Надо будет ей перезвонить, решаю я. Но сейчас мне не хочется отвлекаться.

Я смотрю на колесо обозрения. Оно подсвечено разноцветными огнями и кажется еще громаднее.

– Надеюсь, до начала сеанса мы успеем прокатиться на колесе? – предлагаю я.

– Боюсь, времени осталось мало, – взглянув на часы, отвечает Джек.

– Особенно если они дойдут до финала, – киваю я.

– Что они всенепременно сделают.

Он прав. Стоит взглянуть на Сару, чтобы понять: выход в финал ей обеспечен.

Несколько мгновений Джек молчит, потом переводит взгляд на меня:

– Если хочешь, мы с тобой могли бы прокатиться вдвоем. – Он смеется, но вид у него смущенный. – Можешь считать это подарком ко дню рождения, тем более что подарок я зажал.

Как это по-старомодному трогательно – предложить покататься вместе с девушкой, словно она нуждается в сопровождающем. Но, учитывая наши костюмы и окружающий нас винтажный антураж, подобное предложение вполне уместно. Хочу поймать взгляд Сары и дать ей понять, что мы вернемся минут через десять. Но она смотрит в рот ведущему мастер-класса, который сейчас объясняет следующее задание. Разноцветное колесо обозрения притягивает меня как магнит.

– Спасибо, Джек. Это отличная идея.

Парень в белых брюках и форменном джемпере школы Райделл-Хай, наброшенном на плечи, опускает хромированную планку нам на колени и слегка трясет сиденье, проверяя, хорошо ли она держится.

– Наверняка тебе захочется обнять свою девушку, приятель, – вскинув бровь, предупреждает он. – Там, наверху, слегка захватывает дух.

Не сомневаюсь, примерно то же самое он говорит всем парам, желающим прокатиться. Но почему-то мы оба чувствуем себя обязанными восстановить истину.

– Но мы вовсе... – бормочу я, а Джек подхватывает:

– Она не... Мы просто друзья.

– Жаль. – Парень в белых брюках понимающе подмигивает. – Вы здорово смотрите вместе.

Колесо вздрагивает, наша кабинка слегка приподнимается, освобождая место для следующей. На мгновение я закрываю глаза, так как совершенно не представляю, что сказать.

– Неужели ты трусиха, Лори?

– Ну уж нет! – смеюсь я, вцепляюсь пальцами в хромированную перекладину и откидываюсь на ярко-красную спинку сиденья.

– А ты сам-то, случайно, не боишься высоты?

Джек искоса бросает на меня взгляд и всплескивает руками, словно я сморозила несусветную глупость:

– Я что, похож на жалкого труса?

Нет, он похож на Дэнни Зуко, покорителя женских сердец. Но пальцы его беспрестанно барабанят по колену, похоже, он вовсе не так спокоен, как хочет казаться. Не знаю, что именно его напрягает – то, что он оказался на колесе обозрения, то, что он оказался на колесе обозрения без Сары, или то, что он оказался на колесе обозрения со мной. Уже открываю рот, собираясь спросить, но тут раздаётся знакомая мелодия «Hopelessly Devoted to You» и колесо начинает вращаться.

Лучше воздержаться от бестактных вопросов, решаю я. В конце концов, сегодня мой день рождения. Я взлетаю в небо на колесе обозрения, рядом со мной сидит Джек – при каждой встрече он нравится мне все больше и больше. И это прекрасно. Положа руку на сердце, это прекрасно. Прекрасно, что они с Сарой счастливы, потому что она моя лучшая подруга и я люблю ее, как сестру.

Да, большую часть времени мне удастся смириться с ситуацией, в которую я попала по иронии судьбы. Теперь уже ничего не изменишь. Возможно, все сложилось бы иначе, если бы я встретила Джека прежде, чем он познакомился с Сарой. И сейчас мы сидели бы, обнявшись, и, возносясь на высоту, целовались бы до умопомрачения. Да, не исключено, мы влюбились бы друг в друга по уши. Но также не исключено, что вскоре расстались бы, изрядно попортив друг другу нервы. Возможно, нам повезло, что мы не вместе. В любом случае я рада, что он есть в моей жизни, пусть даже в качестве бойфренда моей подруги. Мне этого достаточно.

– Вау! – выдыхаю я, потрясенная зрелищем, которое открывается с высоты.

Внизу полыхает море огней, неоновые вывески, разноцветные прожекторы, лампы на столиках в кафе, фонарики в руках нетерпеливых зрителей, которые

уже заняли места на траве поближе к экрану. Мы взлетаем все выше, теперь нам видны даже извилистые улицы Юго-Западного Лондона, залитые мягким светом уличных фонарей.

– Звезды! – закидывая голову, произносит Джек.

Мы уже почти на самой вершине. Я тоже закидываю голову и смотрю на звезды. Чувство такое, что мы с Джеком, зависшие в поднебесье, – единственные люди во Вселенной.

Я опускаю голову и поворачиваюсь к Джеку.

– С днем рождения, Лори, – говорит он тихо и серьезно.

Я киваю и хочу улыбнуться, но губы мои почему-то начинают дрожать, словно я собираюсь заплакать.

– Спасибо, Джек. Очень рада, что провела этот день с тобой... – Я осекаюсь и добавляю: – Со всеми вами.

– Я тоже рад.

Ветер слегка раскачивает нашу кабинку, я повизгиваю, вцепившись в поручень. Джек смеется и обнимает меня за плечи. Он придвинулся так близко, что я ощущаю тепло его тела.

– Не бойся, я с тобой!

Он сжимает мои плечи все крепче, а потом вдруг убирает руку на спинку сиденья.

В животе у меня порхают бабочки, но, к стыду своему, вынуждена признать: причина вовсе не в том, что я парю в воздухе на головокружительной высоте. Рядом со мной парит Джек О'Мара, и в этом все дело. Розовые и зеленые лампочки, украшающие колесо, бросают на его лицо пляшущие отсветы.

Оливия Ньютон поет о своей безнадежной любви. О, как я ее понимаю!

Нащупываю пальцами кулон, висящий у меня на шее. Прикосновение к этому плоскому красному камешку всегда действует на меня успокоительно. Сегодня утром я не могла его найти и впала в настоящую панику. К счастью, Сара пришла мне на помощь и обнаружила его в расщелине между половицами в моей спальне. Из всего своего имущества я больше всего дорожу этим кулоном. Он принадлежал нам с Джинни. Знаю, это глупо, но, когда кулон у меня на шее, я ощущаю связь с ней.

Блин! Еще один пропущенный звонок от мамы. Чувствую себя самой плохой дочерью на свете. Первое, что я сделаю завтрашним утром, – позвоню ей. А пока надо прочесть эсэмэску, которую она прислала, отчаявшись поболтать со мной.

Лори, милая, мне очень не хочется тебя расстраивать, тем более в твой день рождения, но ты должна знать об этом. Папа в больнице, доченька, вероятно, у него инфаркт. Позвони мне, как только сможешь.

Люблю тебя. Мама. хх

Вот так. Один из лучших дней моей жизни превратился в один из самых худших.

12 декабря

Лори

Чувствую себя так, словно в мои угги сунули свинцовые стельки. На работе в преддверии Рождества царит полный бедлам, и ноги у меня ноют так, будто я пробежала марафон. Того и гляди, упаду замертво. Папа поправляется куда медленнее, чем рассчитывали врачи. Выяснилось, что у него накопилось множество проблем со здоровьем, и одна влечет за собой другую. Из крепкого и цветущего мужчины он превратился в бледное и слабое существо. Мама тоже очень сдала, потому что изводится от тревоги за папу. Они всегда были образцовой парой. Папа на десять лет старше мамы, но до недавнего времени это не бросалось в глаза. Сейчас, увы, все изменилось. Папе в прошлом году

исполнилось шестьдесят, но теперь он выглядит на десять лет старше. Всякий раз, когда я вижу его, мне отчаянно хочется посадить его в самолет, летящий в какие-нибудь солнечные края, или хотя бы накормить чем-нибудь вкусным. Мама, конечно, делает все, что в ее силах. Жизнь моих родителей подчинена теперь требованиям врачей и диетическим предписаниям, и это сказывается на них обоих. Я стараюсь приезжать домой как можно чаще, но основная тяжесть все равно лежит на маминых плечах.

Куда ни посмотришь, в глаза лезут приметы Рождества. Вот уже несколько часов я хожу по магазинам и дошла уже до такого состояния, когда хочется хорошенько отдубасить Санта-Клауса и пристрелить олененка Рудольфа. А также задушить обрывком блестящей мишуры всякого, кто посмел хотя бы легонько меня толкнуть. Последние двадцать минут я стою в бесконечной, едва двигающейся очереди в HMV, сжимая в руках несколько дисков с фильмами, которые мой брат едва ли когда-нибудь удосужится посмотреть. Я буквально засыпаю на ходу, и только несущийся из динамиков пронзительный визг Нодди Холдера «Рождество, это Рождество!» возвращает меня к реальности. Казалось бы, в музыкальном магазине могли поставить что-нибудь не такое отстойное. Но им подавай Нодди Холдера. Кстати, что за имечко такое, Нодди? Наверное, этот тип родился с огромными ушами, и это так расстроило его мамочку, что она не смогла придумать имени получше.

– Лори!

Услышав свое имя, я резко поворачиваюсь и вижу Джека, который издалека машет мне рукой. Улыбаюсь и округляю глаза, всем своим видом показывая, как мне осточертело стоять в очереди. Смотрю на диски и понимаю, что мой брат предпочтет бутылку виски «Джек Дэниэлс». Отчаянно работая локтями, я начинаю двигаться против течения и выбираюсь из очереди. Люди бросают на меня сердитые взгляды, но мне это по барабану. Джек стоит у стеллажа с дисками, ожидая, пока я к нему подойду. На нем синее зимнее пальто и длинный шарф, и он выглядит в точности так, как в тот день, когда я впервые увидела его на автобусной остановке. С тех пор прошло два года, и теперь я вспоминаю тот день очень редко. Взятое на себя обязательство гнать прочь все неподобающие мысли о Джеке я выполняю успешно. Говорят, человеческое сознание легко поддается внушению. Мой собственный опыт это подтверждает. Я сумела себе внушить, что Джек – это всего лишь бойфренд моей лучшей подруги, и теперь, когда он занял в моей жизни соответствующее место, я получаю удовольствие от его общества. Да, он мне нравится, очень нравится, но

мы всего лишь друзья. Он веселый, прикольный, и он по уши влюблен в Сару. А в мой день рождения, когда я, прочтя мамино сообщение, впала в прострацию, он взял ситуацию в свои руки. В мгновение ока Джек вызвал такси, и мы еще не успели вернуться на Деланси-стрит, как он заказал мне билет домой. Иногда бывает необходимо, чтобы тобой руководили, и в тот день Джек стал моим спасителем.

– Похоже, ты не меньше моего вымоталась от этой рождественской подарочной истерии! – говорит Джек и возвращает на полку диск, который лениво разглядывал. Мы выходим из магазина и, оказавшись на улице, синхронно выпускаем вздох облегчения. – Хотя, я вижу, ты добилась в славном деле шопинга больших успехов, чем я! – кивает он на мои сумки. – Давай понесу.

Я не возражаю и вручаю ему тяжелые сумки. Ручки так врезались мне в ладони, что на них остались красные рубцы, и теперь я с облегчением шевелю затекшими пальцами. Мы идем по Оксфорд-стрит, под ногами у нас хлюпает серая слякоть – остатки снегопада, обрушившегося на город несколько дней назад. Северный ветер насквозь пронзает арктическим холодом. Джек достает из кармана вязаную шапочку и натягивает ее на голову.

– А тебе надо купить много подарков? – спрашиваю я.

– Да нет, – пожимает плечами он. – Моя главная задача – купить подарок Саре. Есть какие-нибудь идеи? – Он искоса смотрит на меня. – Умоляю, ответь утвердительно.

Я отчаянно напрягаю извилины. Сара не из тех, кому трудно угодить, но подарок Джека должен быть каким-то особенным.

– Может, браслет или кулон?

Мы как раз проходим мимо ювелирного магазина на Хай-стрит. Останавливаемся у витрины, но, по-моему, ни одна из выставленных там вещей не подходит Саре.

– Все эти побрякушки как-то... – Я морщу нос, не в силах подобрать подходящее слово. – Лишены индивидуальности... В общем, выглядят до жути банально.

Джек кивает и смотрит на часы.

– Ты ведь никуда не спешишь? – спрашивает он.

– Да нет, – качаю я головой, поскольку особого желания тащиться домой не испытываю.

– Отлично, – говорит он и берет меня под локоть. – Идем, я кое-что придумал.

Джек

Когда рядом Лори, поход по магазинам перестает быть пыткой. Смутно помню, где-то здесь поблизости, на углу Оксфорд-стрит и Честер-стрит, прежде был антикварный магазин. Надеюсь, он по-прежнему существует.

– Вау! – выдыхает Лори.

Ее незабудковые глаза удивленно расширяются, когда мы входим в здание, отделанное красным кирпичом. Я был здесь много лет назад, еще мальчишкой. Помогал папе выбирать что-нибудь необычное ко дню рождения мамы. Наверное, то был какой-то особенный день рождения. Помню, мы купили изящный серебряный браслет с янтарем, а внутри папа попросил выгравировать наши имена. Пока папа был жив, мама всегда надевала этот браслет на Рождество и другие праздники. На папины похороны она тоже надела его и с тех пор уже никогда не снимала.

Приятно убедиться, что за все эти годы магазин ничуть не изменился и по-прежнему напоминает пещеру Аладдина.

– Классное местечко! – восклицает Лори. – А я даже не знала о его существовании.

– Настоящий Лондон. – Я засовываю шапку в карман пальто и взъерошиваю руками волосы. – С чего начнем?

Глаза Лори сияют от удовольствия.

– Не знаю. Я хочу посмотреть все! – смеется она.

– План неплохой, но тогда нам придется проторчать здесь до Рождества.

Лори медленно идет от прилавка к прилавку, гладит по голове серебряного леопарда, замирает перед витринами, в которых сверкают шикарные украшения с бриллиантами. Впрочем, стразы и бижутерия, выставленные по соседству, восхищают ее ничуть не меньше. Она смущенно улыбается, когда владелец магазина винтажных шляп предлагает ей примерить твидовую фуражку. Старик явно знает свое дело: стоит Лори водрузить фуражку поверх своих непокорных кудряшек, и она преображается до неузнаваемости. Кто бы мог подумать, что она так похожа на уличного мальчишку из «Оливера Твиста». Лавандовый оттенок фуражки чертовски идет к ее глазам и в то же время подчеркивает темные круги под ними. Внезапно понимаю, что она устала до чертиков. Это не та усталость, когда человеку нужно только хорошенько выспаться и он снова будет как новенький. Такая усталость, как у Лори, копится месяцами. Да, у нее глаза человека, пережившего несколько напряженных месяцев. Глаза человека, которого постоянно гложет тревога. А я даже не удосужился спросить, как здоровье ее отца.

Со всех сторон рассмотрев себя в зеркале, которое услужливо держит перед ней продавец, Лори снимает фуражку и смотрит на ярлычок. Увидав цену, грустно качает головой и поспешно выходит из магазина. Жаль, что я не могу подарить ей эту кепку. Она ей чертовски идет!

– Давай зайдем сюда! – восклицает Лори, увидев маленький парфюмерный магазин.

Мы уже рассмотрели несколько вариантов подарка и даже попросили отложить кулончик с бирюзой на тот случай, если не встретим ничего более подходящего. Но, оказавшись в этом магазине, я понимаю: именно здесь мы найдем то, что нам нужно. Лори, как маленькая девочка, оказавшаяся в лавке игрушек, охает и ахает, рассматривая изящные бутылочки и вдыхая экзотические ароматы. Улыбка сияет на ее лице, как солнечный луч.

– Джек, иди сюда, – зовет она, снимая что-то с полки.

Я подхожу и через плечо Лори смотрю на то, что она держит в руках. Слава богу, я не успел купить кулон с бирюзой. Золотистая пудреница в форме раковины, кажется, беззвучно призывает: «Купи меня для Сары!» Стиль ар-деко, в качестве постоянного зрителя «Антик роудшоу» я могу утверждать это с уверенностью. Как раз помещается в ладонь Лори, на крышке – русалка из цветной эмали. Чем-то напоминает Сару – такая же тонкая талия и каскад роскошных волос.

Лори, торжествующе улыбаясь, вручает пудреницу мне:

– Миссия выполнена.

Я ощущаю в ладони приятную тяжесть. Да, такой подарок говорит сам за себя. И говорит он примерно следующее: «Я замечаю все твои достоинства и ценю их».

– Поиски завершены. – С замиранием сердца я пытаюсь отыскать ценник. Надеюсь, эта штукавина стоит несколько меньше, чем гоночный мотоцикл. Разглядев цифры, я вздыхаю с облегчением. У меня еще останется на пиво. – Мне повезло, что я тебя встретил.

Мы просим женщину, которой принадлежит этот магазин, упаковать нашу покупку как можно лучше. Она кладет пудреницу в бархатный мешочек, заворачивает его в шелковую бумагу и перевязывает ленточкой. Думаю, она решила, что я, дай мне только волю, завернул бы подарок в фольгу и заклеил бы скотчем. Конечно, это не так, но по части подобных изысков я не мастер и рад, что доверился специалисту.

Мы с Лори выходим на улицу. Сейчас всего четыре, но уже почти темно.

– Обмоем покупку пивком? – предлагаю я. – Должен же я как-то отблагодарить тебя за помощь.

Судя по виду Лори, ей необходимо спокойно посидеть в уютном местечке и поболтать.

– Одному Богу известно, какой подарок получила бы бедная Сара, не повстречайся я с тобой. Скорее всего, букет цветов из тех, что продаются на автозаправках, и кружевные трусики из секс-шопа. Или что-то в этом роде.

Лори смеется, задирает рукав пальто и смотрит на часы, словно ей нужно успеть куда-то к определенному времени.

– Хорошо, – к немалому моему удивлению, произносит она.

Я был уверен, что она сейчас умчится.

– Молодчина! Я знаю неплохое местечко здесь поблизости. Настоящий паб, а не какой-нибудь модный бар, где вечно некуда сесть.

Дует ледяной ветер, с неба начинает валить снег. Я наклоняю голову, обнимаю Лори за талию и увлекаю в маленькую боковую улочку.

Лори

Мы открываем стеклянную дверь и оказываемся в пабе. Хорошо, что я согласилась выпить с Джеком. Здесь так уютно, пахнет углем и воском, которым натерт пол, обитые зеленой кожей кабинки приглашают к долгой, неспешной выпивке. Стена над стойкой бара, отделанной латунью, выложена терракотовыми плитками. Единственные посетители, кроме нас, какой-то старикан и его фокстерьер. Если на свете есть места, которые не меняются десятилетиями и могут позволить себе роскошь не гнаться за модой, – мы в одном из них.

– Стакан красного? – предлагает Джек, и я киваю. – Найди-ка нам местечко у камина, а я принесу выпить, – говорит он, протягивая мне сумки.

Я устраиваюсь в лучшей, ближайшей к огню кабинке. Падаю на сиденье, поставив сумки под стол, снимаю влажное от снега пальто и вешаю его на крючок неподалеку от камина. Пока мы будем здесь сидеть, пальто нагреется. Нагретое у огня пальто напоминает мне о доме – папа специально устроил за вешалкой батарею, чтобы, отправляясь в школу холодным зимним утром, мы надевали теплые куртки.

– Вино для леди! – провозглашает Джек, подходя к столику с бокалом рубиново-красного вина и кружкой пива.

Я делаю ему знак, и он вешает свое пальто напротив моего. Теперь мы словно отделились от остальных, и наша кабинка превратилась в частную территорию.

– За что люблю зиму, так это за горящие камины. – Джек подходит к огню, греет руки, а потом опускается на кожаное сиденье напротив меня. – Господи, как я об этом мечтал! – восклицает он, делает большой глоток пива и облизывает губы.

Я отпиваю из своего бокала. У вина привкус черной смородины, оно приятно согревает нутро.

– Спасибо, что помогла мне, – улыбается Джек. – Без тебя я бы в жизни не отыскал такой классный подарок.

Предвкушая, в какой восторг придет Сара, я улыбаюсь:

– Она по достоинству оценит твоё желание доставить ей радость.

– Без тебя я наверняка купил бы какую-нибудь ерундовину.

– Мы утаим от Сары, что я тебе помогала, – говорю я и вновь отпиваю из бокала, ощущая, как алкоголь начинает оказывать свое магическое действие. – Ты давно разговаривал с Сарой?

– Она звонила вчера, – сообщает Джек. – Похоже, она там веселится напропалую. Звонила откуда-то из бара. Шум там стоял такой, что я едва слышал, что она говорит.

Мне Сара тоже звонила вчера, и тоже из бара. Скорее всего, сразу после того, как она закончила разговор с Джеком. Несколько дней назад подруга уехала к родителям, на день рождения сестры, которой исполнилось восемнадцать лет.

– Сара позвала к телефону Элли, которая, похоже, напилась в стельку. – Джек смеется и пьет пиво. – Ты знакома с ее сестрой? Про таких говорят – два сапога пара. Вместе они способны такого наворотить, что только держись!

– Знаю, – киваю я и отворачиваюсь к огню. – Когда они были детьми, наверняка устраивали родителям веселую жизнь.

Джек умолкает и смущенно откашливается:

– Прости, Лори... я не хотел... в общем, ты знаешь...

Он не произносит имени Джинни, но я прекрасно понимаю, за что он просит прощения. В сотый раз упрекаю себя за то, что пустилась в ненужные откровенности. Узнав о смерти Джинни, люди чувствуют себя обязанными выразить сочувствие и в результате лепечут всякие банальности. Именно по этой причине я стараюсь никому о ней не рассказывать. Это не значит, что я кого-то осуждаю. Просто констатирую факт.

– А ты собираешься на Рождество съездить к маме? – перевожу я разговор в более безопасное русло, и Джек мгновенно расслабляется.

– Собираюсь. Но мне придется вкалывать почти до самого Рождества. – Он пожимает плечами. – Кручусь, как белка в колесе. Да что говорить, ты все сама понимаешь.

Выпив два бокала вина, я чувствую блаженное тепло. До чего это приятно, вот так сидеть и болтать с Джеком. Я уже забыла, как это приятно.

– Ты намереваешься до конца жизни работать на радио? – спрашиваю я.

– Я бы не прочь. Мне там ужасно нравится. – В его глазах вспыхивают огоньки. – Там всем плевать, если ты явился небритым или в мятой футболке. Это тоже плюс.

Тихонько смеюсь. Я же вижу: несмотря на все усилия казаться пофигистом, Джек страшно амбициозен. Если он не с Сарой, значит он работает. В основном он пишет тексты для передач, но иногда выходит в ночной эфир, пробуя себя в качестве ведущего. Нет никаких сомнений, вскоре его голос будет звучать на всех волнах. В течение многих лет я буду слушать его, уплетая утром кукурузные хлопья или готовясь вечером ко сну. Перспектива довольно приятная. В отличие от моих собственных перспектив, которые остаются туманными. Работа в журнале остается недостижимой мечтой. К тому же последние несколько месяцев мне было не до собственной карьеры.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/silver_dzhozi/odin-den-v-dekabre

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)